

А. А. Формозов

Археолог о первобытном обществе (публикация С. П. Щавелёва)

Резюме. Впервые публикуется рукопись из архива выдающегося русского археолога Александра Александровича Формозова (1928–2009), над которой он трудился в 1960-х — начале 1990-х годов. В этой работе содержится попытка философского осмысления ряда наиболее спорных проблем, стоящих перед археологами и преисториками, включая вопросы о стадиях и темпах истории, о грани между людьми и животными, о меняющихся взаимоотношениях личности и общества. В заключение автор обращается к вопросу о том, что изучение первобытности может дать для понимания русской истории.

Ключевые слова: А. А. Формозов, первобытная археология, периодизация, проблема грани между людьми и животными, личность и общество, русская история.

Formozov A. A. An archaeologist's reflections on prehistoric society (publication prepared by S. P. Shchavalev). This is the first publication of a work written in the 1960's — early 1990's by a prominent Russian archaeologist Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009). Here, he reflects on some of the most controversial problems faced by archaeologists and prehistorians, including stages and tempos of history, the beginnings of humanity, the roles of a person in relation to different societies. In conclusion, the author addresses the question of how prehistoric archaeology can contribute to a better understanding of Russian history.

Keywords: A. A. Formozov, prehistoric archaeology, periodization, human-animal border, person and society, Russian history.

Архивная рукопись А. А. Формозова «Археолог о первобытном обществе»

Крылатая фраза из романа М. А. Булгакова о том, будто «рукописи не горят», была кем-то предусмотрительно дополнена: «Если они напечатаны». В нашем случае уместно было бы ещё одно пояснение: «...Если они сданы в государственный архив».

Известный русский археолог и историк науки Александр Александрович Формозов (1928–2009) (рис. 1) сумел опубликовать почти всё, что написал за свою жизнь (Лопатин и др. 2010: 43–54). Его супруга — известный учёный-антиковед Марианна Казимировна Трофимова (1925–2011), овдовев, успела осуществить посмертные издания ещё двух, очень важных для мужа объёмистых рукописей (Формозов 2011; 2012).

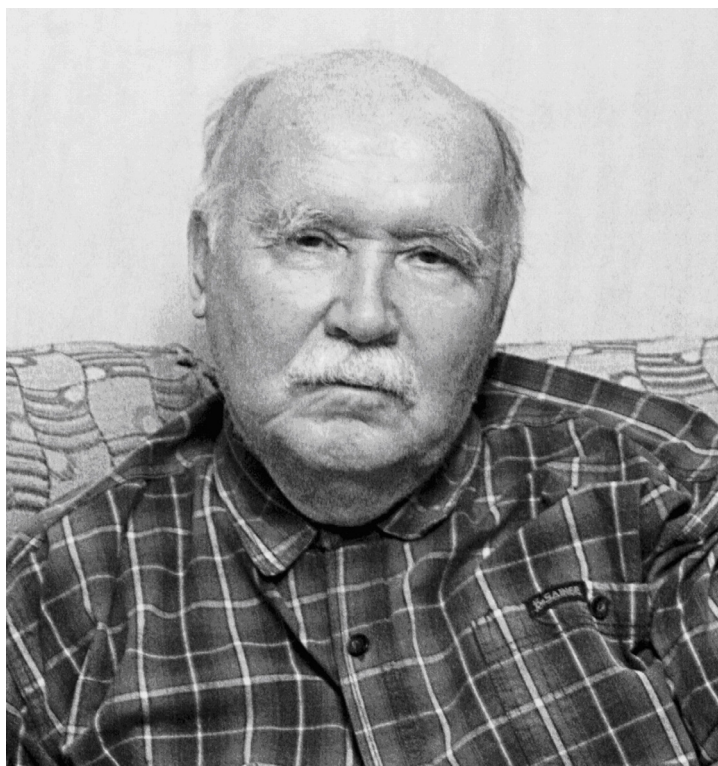
Оставшиеся в виде машинописи несколько своих работ сам Александр Александрович 27 мая 1993 года сдал в Научно-отраслевой архив Института археологии РАН, в котором проработал всю свою жизнь до выхода на пенсию. Среди них находится и та, что сейчас предлагается вниманию читателей. Автор озаглавил её: «Из записей о первобытном обществе». О замысле такой книги, этапах работы над ней автор рассказал на её первых, вводных страницах. Сам он неоднократно писал о себе как позитивисте в науке, чурался публичных обсуждений теории и методологии археологии. Однако, как известно, Александр Александрович с годами всё меньше занимался сугубо вещеведческими штудиями, перестал ездить на разведки и раскопки, тяготея к жанру научно-популярному, по форме даже литературно-художественному. Хотя внутри этих его общедоступных текстов был сконцентрирован не только огромный фактический материал, но и присутствовало немало общих мыслей о связях науки о древнейшем прошлом человечества и его современной жизни. Как видно ещё лучше из публикуемой сейчас рукописи, Формозов оказался таки философом в своей историко-археологической тематике.

Более того, похожую по замыслу обобщающую книгу на материалах первобытной археологии и истории Александр Александрович всё-таки опубликовал (Формозов 2002), но она как раз вышла менее философичной, более конкретно-исторической (Щавелев 2004: 163–164). Если в 1960-е годы ему могло показаться, что сочинение с выводами, явно далёкими от официальной советской идеологии, могло пробиться в печать, то в годы 1970–1980-е, с усилением идеологического пресса «марксизма-ленинизма», надежд на это ни у кого остаться не могло. Идеи общечеловеческого гуманизма, мирного сотрудничества представителей разных стран, народов и общественных сил оказались под прочным запретом в СССР. А в годы Перестройки и последующие «мертвенные абстракции» «научного социализма» истаяли сами собой, зато «нетерпимости разного рода», против которой выступал Формозов (в кавычки заключены его выражения из этого же манускрипта), стало ещё больше. Тогда археолог счёл необходимым опубликовать более актуальные свои работы (Формозов 2004; 2005; 2006; 2008), к тому же он оказался на пенсии, которой не хватало даже на лекарства, не то что на издания за средства автора. Так рукопись «Археолог о первобытном обществе» и оказалась практически похороненной в институтском архиве.

Фактический материал, на который опирается автор, относится скорее к середине — началу второй половины XX века и сегодня не то чтобы устарел, скорее, оказался дополнен и углублён, отчасти скорректирован массой новых раскопок и лабораторных анализов находок. Однако за все прошедшие десятилетия в печати так и не появилось убедительных попыток связать века камня и раннего металла с собственно отечественной историей, предположить некие генетические связи глубокой древности с эпохой Средневековья на территории Восточной Европы (псевдонаучные версии «славян в палеолите», разумеется, не в счёт; автор убедительно критикует произвольные построения Б. А. Рыбакова на сей счёт). Поэтому старая уже рукопись Формозова далеко не полностью устарела сегодня и заслуживает читательского внимания.

Публикатор не стал давать к её тексту подробного комментария, надеясь на справочные ресурсы Интернета, доступные читателям. Отдельные пояснения приводятся нами в квадратных скобках внутри текста. Круглые же скобки использует сам автор. А библиографические ссылки автора рукописи сохранены так, как они присутствуют в архивированной машинописи по издательскому обыкновению того времени — постранично, со сквозной нумерацией.

Восхищаясь глубиной и широтой мысли автора, я не призываю во всём с ним соглашаться. Александр Александрович предлагает читателям своих заметок прислушаться к мнению тех мыслителей, которые призывают критически оценить ход научно-технического прогресса. А может быть, на каких-то его участках и притормозить бешеный темп развития западных социумов. Спорный вопрос. Приостановив постоянное совершенствование медико-биологического естествознания, мы не сможем лечить и спасать массу пациентов с тяжёлыми недугами. А цифровые технологии? Без них не обойдётся вся остальная наука, чьи масштабы сплошь и рядом нуждаются уже сегодня в суперкомпьютерах. Всё совершеннее становятся разные варианты искусственного интеллекта, у которых, похоже, появляется интуиция. И всё же к мнениям ветерана русской науки в каких-то вопросах не мешает прислушаться и сегодня — когда растёт напряжённость в международных отношениях, а безудержный патриотизм заслоняет самокритичность. Александр Александрович Формозов всегда называл себя русским учёным, первым (в ту пору, когда всё у нас было советским) написал историю русской археологии, объясняя, что государство у нас российское, а лидирующая культура — русская. Но не станем пересказывать возвращаемой читателям его работы.

Рис. 1. А. А. Формозов, середина 2000-х годов.
Фото С. П. Щавелёва.

Fig. 1. A. A. Formozov, mid 2000's.
Photo by S. P. Shchavalev.

Археографическая справка

Электронный набор текста настоящей публикации произведён с указанной авторской рукописи — машинописи, хранящейся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН (Р. 2, № 2534) — в полном соответствии с ней. Листы этой единицы архивного хранения проставлены самим автором — в виде исправлений первоначальной пагинации машинописи. Архивисты Института археологии, как и положено, пронумеровали листы рукописи заново в соответствии с реальным количеством листов этого документального «Дела». В нашей публикации завершение каждого очередного листа отмечено цифрами в квадратных скобках.

Отдельные мелкие исправления при наборе электронного текста с авторской машинописи касались деталей библиографического аппарата, которые были приближены составителем к современным нормам (инициалы цитируемых авторов перемещены после их фамилий; вместо «стр.» — «С.» и т. д.). Автор не всегда указывал места цитируемых изданий, а порой пропускал и года публикаций — я их обозначил.

Другие особенности авторской библиографии оставлены в неизменном виде. Скажем, автор не различал ссылок на заковыченную цитату и отсылку к работе, откуда он взял тот или иной факт или отзыв (обычно в последних случаях ставится: «Цит.(ата) по:» или же «См.:»). Мы сохранили авторское единообразие библиографических примечаний, в общем ясных мало-мальски подготовленному читателю.

Сохранены некоторые авторские особенности написания исторических терминов (например, «древняя Русь», «древний Восток» — такое выражение встречается у многих историков того поколения, например, у учителя нашего автора А. В. Арциховского).

Немногочисленные опечатки машинистки были скрупулёзно исправлены автором. Две-три оставшиеся на весь текст явные опечатки поправлены составителем.

Теперь требовали бы неоднократных пояснений и привычные для времени создания публикуемой рукописи хронологические определения, довольно часто применявшиеся автором и его современниками: «минувший век», «прошлый век»; «шестидесятые годы» и т. п. Поэтому публикатор счёл возможным везде заменить их на полные цифровые обозначения — «XIX век», «1860-е годы» и т. д.

От всей души благодарю за просвещенное содействие при выявлении и копировании рукописи члена-корреспондента РАН, заместителя директора Института археологии РАН Петра Григорьевича Гайдукова.

Сотрудникам Научно-отраслевого архива Института археологии РАН во главе с Умаром Юсуфовичем Кочкаровым составитель также выражает сердечную признательность за оперативную техническую поддержку этого издательского проекта.

Составитель выражает свою глубокую признательность Николаю Александровичу Формозову за помощь в подготовке к изданию очередного труда его покойного брата.

30 января 2018 года исполнилось 90 лет со дня рождения Александра Александровича Формозова — замечательного русского археолога, знатока, пропагандиста и защитника отечественной науки и культуры, истинного патриота России. Светлой памяти этого человека посвящают свой скромный труд составитель и публикаторы этой рукописи из его архива.

С. П. Щавелёв

Из записей о первобытном обществе

В 1967–1968 годах, ободрённый успехом книжки «Памятники первобытного искусства на территории СССР» [Формозов 1966; 1980. — Сост.], в развитие её, я решил написать ещё одну научно-популярную брошюру — «Археолог о первобытном обществе». Вскоре я почувствовал, что на этот раз потерпел неудачу, и надолго отложил рукопись в сторону. В 1964 году после небольшой доработки я включил её как третью часть в книгу «Человек и наука», но там она выглядела инородной. Теперь издавать этот старый текст уже незачем, но я хочу сохранить его в своём архиве. Кое-какие наблюдения и соображения в этих набросках и сейчас кажутся мне заслуживающими внимания.

Русская наука, во всяком случае с середины XIX века, со времени Сеченова и Мечникова, всегда стремились перекинуть мост от любых конкретных изысканий к проблемам, волнующим всех людей. Мне дорога эта традиция, ей я и старался следовать.

Очерки, объединённые заголовком «Из записей о первобытном обществе», конечно, не претендуют на решение крупнейших по значению вопросов, даже на постановку их. Я пытался лишь наметить некоторые направления в осмыслении нескольких безмерно сложных тем. Ведь в прошлом удачно выбранное направление в работе, в чём-то даже уязвимой и содержащей досадные ошибки, не раз оказывалось более важным для развития науки, чем появление серии публикаций с полезными уточнениями всяких частных, но в целом движущихся проторённым путём [Л. 1].

Пожалуй, я говорю здесь не столько о том, что бесспорно определяло лицо истории, а о том, чего бы мне очень хотелось: чтобы бешеный ритм жизни утих, а удельный вес «гуманитета» в нашем мире повысился. Стоит ли рассуждать о том, в чём сам не уверен? Сошлюсь на И. П. Павлова. В старости он как-то сказал ученикам: «Написать в конце жизни книгу о своих непроверенных догадках — долг учёного»¹.

Пусть в рукописи больше фантазий, чем твёрдо установленных закономерностей, я вижу её оправдание в том, что мои размышления возникли в русской гуманистической традиции, а не порождены мертвенными абстракциями, нетерпимостью того или другого толка [Л. 2].

Этапы и темпы истории

Уже античным философам было ясно, что история человечества не монотонна, а распадается на какие-то большие этапы. Серьёзные попытки создать

---

¹ Анохин П. К. Несколько эпизодов из моих встреч с И. П. Павловым // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 32.

универсальную историческую периодизацию предпринимали учёные XVIII и XIX столетий. В основе их схем лежали разные принципы.

Археологи исходили из наблюдений над изменениями орудий труда. В 1936 году директор Копенгагенского музея Кристен Томсен выдвинул «систему трёх веков» — каменного, бронзового и железного. Накопление фактов позволило разделить каменный век на древний — палеолит, и новый — неолит; палеолит, в свою очередь, — на ранний и поздний (или нижний и верхний). Между палеолитом и неолитом поместили мезолит. Эпоху, когда каменные орудия ещё не были вытеснены медными, назвали энеолитом. Постепенно вводятся и более дробные подразделения внутри этих стадий.

Иные грани важны для социологов. Они пишут о доклассовом догосударственном обществе и о классовом; об этапах присваивающего хозяйства (охота и рыболовство) и производящего (земледелие и скотоводство); о периоде промышленного переворота и после него.

Грани социологической и археологической периодизаций не совпадают. В Египте и в Передней Азии государство возникло в бронзовом веке; в Центральной Америке, у народов майя — в каменном, а в других районах — в железном, притом не в самом его начале.

В последнее время археологи нередко стараются приблизить свою периодизацию к социологической. Если сперва отличительным [Л. 3] признаком неолита считали полированные каменные орудия, а потом — изобретение глиняной посуды, то сейчас многие принимают за рубеж мезолита и неолита овладение земледельческими навыками. Стоянки охотников и рыболовов, даже содержащие обломки глиняных горшков и полированные топоры, именуют «мезолитическими»; поселения земледельцев, даже без керамики — «неолитическими». Положение осложняется тем, что в послепалеолитическую эпоху уровень развития отдельных областей был далеко не одинаков. В Месопотамии люди пасли стада и рыли оросительные каналы, здесь уже сложилось государство и появилась письменность, а в лесной зоне Евразии жизнь охотников и рыболовов до мелочей напоминала быт их мезолитических предков. Неолит и бронзовый век на разных территориях сосуществуют. Очень нечётки и рамки мезолита.

Все эти терминологические несоответствия крайне затрудняют понимание конкретного хода истории. Для того, чтобы лучше ориентироваться в извилистом пути, пройденном человечеством, надёжнее опираться на абсолютные даты; говорить не о соседивших неолитических и энеолитических племенах и рабовладельческих деспотиях Древнего Востока, а о культурах IV–III тысячелетий до новой эры, имевших в каждом районе неповторимо индивидуальный облик.

К сожалению, абсолютная хронология хорошо разработана только для бронзового и железного веков, гораздо хуже — для неолита и энеолита, и совсем плохо — для палеолита и мезолита. Всё же этот вопрос медленно, но неуклонно проясняется, и в будущем мы, видимо, сможем написать историю древнейшего человечества, характеризую поэтапно район за районом, то есть так [Л. 4] же, как с давних пор строят историю Средних веков или Нового времени.

Сколько бы мы ни подгоняли археологическую периодизацию к социологической, полного тождества мы никогда не добьёмся, а лишь внесём большую путаницу в литературу. Для историков существенно не то, какими орудиями — каменными, бронзовыми или железными — пользовались обитатели некоего древнего поселения, а то, что они добывали этими орудиями — охотничьи

трофеи или запасы зерна. Земледельцы и скотоводы очень долго удовлетворялись набором инструментов, знакомым ещё охотникам и рыбакам. Каменным клиновидным топором северяне расчленили туши убитых животных, а южане — срезали колосья злаков. Проникновение металла в лесную зону Европы и Азии было, конечно, крупным событием, но оно почти не изменило систему хозяйства местного населения. Экономика его оставалась прежней, присваивающей. Типы бронзовых предметов в государствах классического Востока и на их периферии — у первобытных общин Кавказа и Средней Азии — были одинаковы, а жизнь людей там и тут весьма разной.

Учёному, занимающемуся материальной культурой древности, ни к чему отказываться от археологической периодизации, явившейся итогом многолетних наблюдений над находками на стоянках и в могильниках. Однако историкам и социологам не обязательно руководствоваться ею. Любопытные для археолога детали, помогающие классифицировать бесчисленные коллекции из раскопок, отнюдь не всегда облегчают понимание судеб человечества.

Но и археологи, анализируя свои источники, прослеживают решающие переломы в истории общества. Среди них особенно [Л. 5] значительны два: первый — на рубеже раннего и позднего палеолита, второй — в момент возникновения производящего хозяйства.

Палеолитические стоянки дают при раскопках сравнительно бедный материал — кости животных и орудия из кремня. Исследование кремней показывает, что на завершающем этапе палеолита орудия изготовляли не так, как на начальном. В раннем палеолите их делали из широких треугольных отщепов, скальвавшихся грубыми ударами с кремнёвого ядрища — нуклеуса, приобретающего по мере обработки дисковидную форму. В верхнем палеолите основными заготовками орудий стали узкие длинные пластинки, отжимавшиеся костяными или деревянными стержнями — отжимниками от призматического нуклеуса. Эта новая техника обработки кремня была огромным шагом вперёд. Правильно огранённые пластинки оказались очень удобным полуфабрикатом для множества инструментов — ножей, скребков, наконечников копий, проколов, резцов, вкладышей всевозможных типов, — тогда как треугольный отщеп позволял получать всего несколько видов ножей — с одним прямым режущим краем или с двумя сходящими на угол краями и острым концом. Насколько эффективна техника призматического нуклеуса и пластин, ясно хотя бы из того, что она пережила и палеолит, и мезолит, и неолит. Даже в бронзовом веке кое-где продолжали употребляться в качестве серпов всё те же кремнёвые пластинки.

Различия двух этапов палеолита заметны и при изучении костей, собранных на стоянках. В позднем палеолите для разнообразных нужд приспособляли и бивни мамонта, и рога северного оленя, и кости других зверей. В раннем — этого не было или почти не было [Л. 6].

Ещё важнее свидетельства о художественном творчестве. В древнем палеолите мы встречаем лишь зачатки его — единичные кости с ритмическими нарезками и оструганные кусочки двуокиси марганца, использовавшиеся для раскраски. Верхний палеолит оставил выдающиеся памятники искусства, и теперь как-то затрагивающие наши чувства, — росписи и гравировки на стенах пещер, статуэтки из камня и бивня мамонта. Любой курс истории искусств начинается с рассказов о фресках Альтамиры, Ласко, Фон де Гом с их выразительными фигурами бизонов и лошадей. Значит, на рубеже нижнего и верхнего

палеолита произошли чрезвычайно существенные сдвиги не только в технике первобытных людей, но и в их духовной жизни.

Период позднего палеолита короче древнепалеолитического. Меж тем количественное соотношение стоянок того и другого времени обратное. В СССР к 1970 году было обнаружено около пятисот раннепалеолитических местонахождений и полторы тысячи позднепалеолитических². Изменения в жизни первобытных общин сказались, следовательно, и на росте населения. Факт знаменательный, ибо основа хозяйства обоих этапов была одна и та же — загонная охота на крупных стадных травоядных животных.

И, наконец, сам человек, создавший палеолитическую культуру. Люди верхнего палеолита — кроманьонцы, неантропы — относятся к тому же, что и мы, биологическому виду — *Homo sapiens*. На древнепалеолитических стоянках найдены остатки неандертальцев — *Homo neanderthalensis*, сохранявших в своём строении немало обезьяньих черт; совсем примитивных [Л. 7] синантропов и прочих палеоантропов. Поэтому мы вправе утверждать, что переход от раннего палеолита к позднему — века всемирно-исторического значения, несомненно куда большего, чем переход от палеолита к мезолиту.

Но как же надо объяснять этот рубеж? Точного ответа пока нет. Одни специалисты считают, что люди позднего палеолита пришли на смену неандертальцам откуда-то извне со своей сложившейся уже культурой. Другие — полагают, что эта культура сформировалась на основе раннепалеолитической, что все мы прямые потомки неандертальцев. Сейчас нельзя ещё признать ту или иную группу исследователей победившей, хотя число сторонников второй гипотезы растёт [а теперь, почти полвека спустя с того времени, как были написаны эти строки, наоборот, растёт число сторонников первой из обозначенных автором точек зрения (Шипман 2016; Пеабо 2018; Аствацатурян 2018). — Сост.].

Работал над этой темой и я. В Крыму я раскопал стоянку Староселье, относящуюся к концу древнего палеолита (мустьерская эпоха), с орудиями, уже в чём-то близкими к позднепалеолитическим. Среди кремнёвых изделий верхнего палеолита Русской равнины удалось найти такие, которые можно рассматривать как развитие крымских мустьерских³.

Сделаны аналогичные наблюдения и на Кавказе, в Африке, в Центральной Европе, так что мнение о генетической связи людей начальных и конечных этапов древнекаменного века постепенно подкрепляется новыми и новыми аргументами.

Но вот что существенно: мы знаем сотни мустьерских стоянок и сотни верхнепалеолитических, десятки черепов неандертальцев из первых и десятки черепов *Homo sapiens* — из вторых, знаем отдельные мустьерские поселения, кое в чём тяготеющие к позднему палеолиту [Л. 8], и отдельные позднепалеолитические комплексы с отголосками мустьерских традиций обработки кремня. Описаны несколько черепов неандертальцев с тремя-четырьмя признаками, свойственными *Homo sapiens*, и несколько черепов кроманьонцев с чертами, характерными скорее для неандертальцев. Но при всём желании мы не сумеем назвать ни одной коллекции из раскопок, где половина кремней принадлежа-

² Береговая Н. А. 1) Палеолитические местонахождения СССР // Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА). 1960. № 81; 2) Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970). Л., 1984.

³ Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и её место в палеолите // МИА. 1958. № 71.

ла бы к мустьерским типам, а половина — к верхнепалеолитическим; ни одной антропологической находки с равномерно распределёнными неандертальскими и «сапиентными» показателями. Видимо, трансформация мустье в верхний палеолит, неандертальца — в *Homo sapiens* была относительно быстрой. Мустьерская культура существовала едва ли не сто тысяч лет, а смена её верхним палеолитом произошла за гораздо более короткий отрезок времени, судя по абсолютным датам, полученным методом С¹⁴, приблизительно 35–40 тысяч лет тому назад.

Процесс этот был, разумеется, непростым. На верхнепалеолитических поселениях Кавказа или Западной Сибири нет никаких произведений искусства. Обитатели этих областей не создавали ни росписей в пещерах, ни статуэток из кости (конечно, тут могли процветать иные формы творчества — музыка, танец). В Южной Африке и на Юго-Востоке Азии переход от мустье к позднему палеолиту не столь резок, как в Европе. Удивительно архаичные орудия применяли здесь чуть ли не до неолита.

Вполне допустимо также, что в одних районах люди поднялись на высшую ступень раньше, чем в других. При раскопках пещер Ябруд в Сирии и убежища Цумоффена в Ливане орудия, похожие на позднепалеолитические, обнаружены под слоями с находками чисто мустьерского характера. Таким образом, мустьерская культура не [Л. 9] отмирала в каждой общине тотчас после зарождения нового комплекса у соседей (в Ябруде слой с «амудийскими» изделиями, напоминающими верхнепалеолитические, перекрыт четырнадцатью мустьерскими слоями)⁴.

Пока неясно соотношение этих разнотипных стоянок с неандертальцем и *Homo sapiens*. Соответствовал ли прогрессивной технике обработки кремня и высокий уровень физического строения человека? В пещерах на горе Кармел в Палестине найдены захоронения неандертальцев, особенно близких к людям современного вида. Может быть, верна гипотеза Я. Я. Рогинского об очень раннем сложении позднепалеолитической культуры в каком-то сравнительно узком восточно-средиземноморском районе и о дальнейшем распространении её по всему Старому свету. Люди с более развитым мозгом, с более совершенным производственным инвентарём неминуемо должны были вытеснить неандертальцев с их примитивными мустьерскими орудиями⁵. Гипотеза Я. Я. Рогинского не отменяет вывод о возникновении верхнего палеолита на основе мустье, о родстве *Homo sapiens* с неандертальцами, а только подчеркивает сложность процесса перехода от древнего палеолита к позднему.

Второй перелом в истории человечества связан с моментом освоения земледелия и скотоводства. Это важнейшее событие в разных частях мира приурочено к разным стадиям археологической периодизации. На Ближнем Востоке производящее хозяйство восходит ещё к VIII–VII тысячелетиям до новой эры, к стадии мезолита. На [Днепровском] Правобережье Украины, на Кавказе и в Туркмении оно утвердилось позднее — в VI– [Л. 10] IV тысячелетиях до новой эры, на стадии неолита. В степной полосе между Днепром и Енисеем в III тысячелетии до новой эры люди овладели одновременно как навыками обработки

⁴ Rust A. Die Höhlenfunde von Jabrud. Neumünster, 1950. Tab. 32–37; Garrod D., Kirkbridge D. Excavation of the abri Zumoffen // Bulletin du Musée de Beyrouth. XVI. Paris, 1961. P. 7–41, fig. 3–5.

⁵ Рогинский Я. Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека. М., 1949.

земли и содержания домашних животных, так и навыками металлургии. В лесной зоне Евразии земледелие и скотоводство появились лишь во II–I тысячелетиях до новой эры, в конце бронзового и на заре железного века.

Исследования археологов, ботаников, зоологов показывают, что и возделывание земли, и приручение животных не проходили повсюду одинаково длинный путь развития. Чаще всего скот и злаки заимствовали из немногих первоначальных центров. Для территории СССР такими центрами были Балканы и Передняя Азия. Потому-то древнейшие свидетельства о производящем хозяйстве открыты у нас в Поднестровье и Побужье, в Закавказье и Туркмении. Этим вторичным центрам обязаны знакомством с земледелием и скотоводством обитатели наших степей и лесов.

Коренные изменения облика культуры при переходе от охоты и рыболовства к земледелию и скотоводству бросаются в глаза даже не археологу. У земледельцев возникли обширные долговременные поселения с глинобитными домами, каких не было в предшествующем периоде. Нередко жилища окружены валами и рвами, каменными или сырцовыми стенами, чтобы защитить от нападений иноплеменников главное богатство общины — стада домашнего скота. Стоянок земледельческой поры в любой области много больше, чем ранних стойбищ охотников и рыболовов. Очевидно, новые, надежнее обеспеченные источниками питания способствовали росту народонаселения. По расчёту американских учёных, основанному на археологических и этнографических данных, оно возросло в 16 раз (с пяти до 85,5 [Л. 11] миллионов человек)⁶. Это обусловило и передвижения древних племён в поисках свободных пастбищ и полей из предгорий на равнину, из степей — в лесную зону. Вскоре после освоения производящего хозяйства в южной части Евразии изобрели глиняную посуду. Потом резко уменьшилось количество каменных орудий, и вошла в употребление медь.

С утратой ведущей роли охоты исчезли реалистические изображения диких зверей. Распространились схематические статуэтки людей, иногда, бесспорно, отражающие земледельческие культуры плодородия. К глиняному тесту миниатюрных женских фигурок носители трипольской культуры Поднестровья примешивали зёрна пшеницы. На степных курганах в Причерноморье тогда же воздвигали каменные изваяния людей в натуральную величину. В палеолите аналогичной монументальной скульптуры мы не знаем. В Передней Азии и Северной Африке изменения этим не ограничиваются. Там складывались древнейшие государства, появилась письменность. Эпоха первобытности завершилась, началась эпоха цивилизации.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему столь же трудно уловим, как и переход от нижнего палеолита к верхнему. Почти нигде нет промежуточных звеньев, связывающих стоянки охотников и рыболовов с поселениями земледельцев и скотоводов. Недаром учёные XIX столетия волновала проблема «хиатуса» — провала между ранними и поздними стадиями каменного века. Я восемь лет вёл раскопки в Прикубанье, выявил необычайно интересные материалы по периодам неолита и энеолита, но неолитические памятники не [Л. 12] давали сколько-нибудь чётких указаний на скотоводство, а в энеолитических — уже 96% костей принадлежало домашним животным.

Видимо, освоение производящего хозяйства было быстрым (не во всемирном масштабе, а в каждом конкретном районе). Люди отлично понимали, какие

⁶ Deevey E. S. The Human Population // Scientific American. New York, 1960. Vol. 203. № 3. P. 195–204.

преимущества им сулит и овладение опытом народов Востока в кратчайшие исторические сроки.

Если отвлечься от археологических коллекций и взглянуть на более близкий к нам период, мы сможем говорить ещё об одном решающем переломе в истории человечества — эпохе промышленного переворота. С конца XVIII века в жизни людей приобретают исключительное значение такие понятия, как «машина» и «фабрика»; область их применения из года в год расширяется, и соответственно меняется само общество. Подобно двум предшествующим, третий переворот совершается сперва в маленьком уголке мира — в Англии, и также был отмечен стремительным ростом народонаселения. За сто лет — с 1700 по 1801 год — население Британских островов увеличилось на 52 процента⁷ (не случайно именно в Англии возникло мальтузианство).

Мы живём в годы, ещё не очень далеко отстоящие от начала промышленного переворота, и едва успеваем следить за порождёнными им замечательными техническими новшествами. На памяти нашего поколения неузнаваемо изменилась жизнь всей планеты. Показательно, однако, мнение учёных, задумывавшихся над темпом развития современной техники. Они всё чаще пишут о том, что рано или поздно этот бурный темп должен снизиться, что развитие [Л. 13] подходит к своему пределу, ибо иначе оно станет бессмысленно⁸.

Видимо, в истории человечества наблюдаются периоды ускоренного развития и некоторого замедления — реализации достигнутого. Техника верхнего палеолита сложилась быстро, а впоследствии орудиями, изготовленными из ножевидных пластинок, сколотых с призматического нуклеуса, равно как и довольно сходными костяными гарпунами пользовались тысячелетия, пока металл не вытеснил и кремень, и кость.

Нечто похожее произошло и в эпоху утверждения производящего хозяйства. В IV — начале III тысячелетия до новой эры изобретены плавка меди, а затем мышьяковая и оловянистая бронзы, плуг, повозка на колёсах, сбруя, парусная лодка, кузнечные меха и щипцы, техника литья по принципу утраты восковой модели и так далее. И вдруг поток открытий иссяк. Казалось бы, при наличии колеса и плуга совсем просто соединить два элемента и ввести в употребление колёсный плуг. Но нет — ни египтяне, ни ассирийцы, ни греки, ни римляне не сумели сделать это нехитрое изобретение. Оно облегчило труд пахаря лишь в Феодалной Европе⁹. Процесс одомашнивания животных и окультуривания растений тоже затормозился в бронзовом веке. В нашей эре разными методами были улучшены многие сорта растений и породы скота, но к их списку не прибавилось ни одного нового вида. [Л. 14]

Может быть, и тот период интенсивного развития, который мы переживаем сейчас, не бесконечен. Вслед за годами изобретений и внедрения их в жизнь наступит полоса более спокойной и плавной эволюции. Речь идёт, естественно, не об остановке навечно, не о тупике. Как настал час, когда каменные и костяные орудия не могли уже удовлетворить человека и были заменены металлическими, придёт время и для замены складывающегося на наших глазах культурного комплекса. Неведомый нам ещё комплекс будет, скорее всего, качественно иным,

⁷ Тойнби А. Промышленный переворот в Англии. М., 1924. С. 17.

⁸ См., например: Шкловский И. С. Вселенная, жизнь, разум. М., 1965. С. 250; Фейнберг Е. Л. Обыкновенное и необычное (заметки о развитии современной науки) // Новый мир. 1965. № 8. С. 218; Плат Дж. Р. И объемлет он весь мир // Курьер ЮНЕСКО. 1965. № 12. С. 4–9.

⁹ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1948. С. 75–76.

чем нынешний. Орудия из кремня и кости, выдержав соперничество с более совершенными по обработке полированными каменными изделиями, исчезли при появлении бронзы и железа. Вместо вола и коня тягловой силой стали не другие прирученные млекопитающие, а машины. Что-то в этом роде увидят и наши правнуки [всевозможных роботов — андроидов и дронов мы уже увидели. — *Сост.*].

Смысл четырёх главных этапов истории я бы сформулировал так: 1) древний палеолит, период палеоантропов, не оторвавшихся окончательно от животного мира, в сущности только введение в историю; 2) этап от сложения *Homo sapiens* до возникновения земледелия и скотоводства — эпоха приспособления человека к природе; 3) время от перехода к производящему хозяйству до промышленного переворота — эпоха господства человека над природой; 4) столетия после промышленного переворота — век машин и — часто — подавления человека машиной.

Четыре стадии не равновелики. Первая — длиннее последующих, вторая — длиннее третьей. Вероятно, и дальше развитие пойдёт в убыстряющемся темпе, что не снимет вопрос о чередовании периодов относительно медленной эволюции и революционных переворотов [Л. 15].

Перелом между вторым и третьим этапом, между третьим и четвёртым — обусловлен переменами в экономике. Но о рубеже между первой и второй стадиями этого сказать нельзя. Неандертальцы были такими же охотниками, как и верхнепалеолитические люди. Трансформация связана с изменением физического облика наших предков, с усложнением их духовной жизни. Таким образом, экономика не всегда определяет пути развития общества. И уж безусловно не определяет их характер средств труда. Люди, вооружённые каменными топорами, достигали не меньшего, чем люди, владевшие металлом. Изваяния острова Пасхи или города майя тому примером. Для земледелия на первых порах никаких новых орудий. Палка-копалка и зернотёрка были уже в палеолите¹⁰. Собирали диких злаков занимались все племена. Все стойбища охотников приносили зверей-подранков или их детёнышей. Дело было не в орудиях или в материале для экспериментов, а в идее обработки земли и приручения животных, так же как и позднее — не в поршнях и приводных ремнях, а в идее заставить пар и воду служить человеку.

Поэтому, пожалуй, более точным будет вывод, что в основе каждой стадии лежат не формы средств производства, а специфический тип взаимоотношения человека и природы.

Некоторые соображения, изложенные выше, кому-то могут показаться банальными. И правда — они возникли не у меня первого и [Л. 16] появились не в ходе раскопок каких-то совершенно новых по характеру археологических памятников, а всего лишь после чтения книг о первобытной культуре и сменивших её цивилизациях, раздумий о сегодняшнем дне. Нельзя, однако, назвать приведённую схему общепринятой. Напротив, сейчас она подвергается ожесточённому нападкам и в известной степени дискредитирована в глазах нынешнего поколения археологов.

Первый пункт, вызывавший ревизию,— противопоставление раннего и позднего палеолита. Всячески подчёркиваются в культуре неандертальцев черты, считавшиеся некогда свойственными только последующему времени.

¹⁰ Рогачёв А. Н. Об усложнённом собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973. С. 127–142.

Оказалось, что уже у палеоантропов были жилища и определённый погребальный обряд. То, что удалось установить эти факты, конечно, важно. Можно понять увлечение людей, открывших нечто новое, и жаждающих, как всякая молодёжь, ниспровергнуть надоевшие схемы. Но куда существеннее другое: два кардинальных вывода остались непоколебленными. Древний палеолит — эпоха палеоантропов, поздний — неантропов, человека разумного. Произведения искусства, свидетельствующие о высокоразвитой духовной жизни, связаны целиком со вторым периодом.

Были попытки оспорить и эти моменты, но абсолютно несостоятельные, исходящие от узких специалистов, безмерно чуждых искусству. Публикуемые ими невнятные нарезки на костях из мустьерских стоянок прямого отношения к проблеме возникновения творчества не имеют¹¹. [Л. 17]

Второй пункт, раздражающий многих моих коллег, — признание того, что в древности уровень культуры в разных районах был не одинаковым. Очень не хочется говорить о племенах, населявших в эпоху неолита и бронзы территорию нашей страны, как об отсталых по сравнению с цивилизациями Передней Азии и Средиземноморья. Конструируется с негодными средствами «неолитическая революция» в белорусских болотах или на Южном Приуралье (при этом используются недоброкачественные материалы из перемешанных культурных слоёв на разрушенных стоянках¹²). Тем самым смазывается грань, отделяющая племена, знавшие только присваивающее хозяйство, и общества, овладевшие уже земледелием и скотоводством, и уверенно двигавшиеся дальше к сложению письменности, городов и так далее.

Случайны ли эти потуги пересмотреть основные положения в утвердившейся к середине XX века концепции исторического развития? Думаю, что нет. Науку наводнили малообразованные люди. Часть из них, может быть, полезна в той или иной узкой практической сфере. Но для всех них характерен комплекс неполноценности. На каждом шагу они стремятся доказать своё равноправие, а то и превосходство по отношению к тем, кто обладает более высоким интеллектом. [Л. 18] Эти эмоции они переносят в науку и с жаром и злобой заявляют: пусть у неандертальцев мозг был меньше, чем у кроманьонцев, и более примитивного строения, пусть даже искусства у них не было, а всё равно это люди не хуже прочих. Смотрите с какими страшными зверями они справлялись, какие острые скрёбла делали из камня! В другом контексте примерно то же. Находим мы при раскопках пирамиды, зиккураты, глиняные таблички с записями эпоса о Гильгамеше или всего-навсего черепки и кремни — не имеет значения. Наши далёкие предки не лаптем щи хлебали; вот ведь какие на горшках из Пупковской стоянки узоры встречаются!

На мой взгляд, рассуждения такого рода не невинны: умышленно или невольно они искажают представление о реальном ходе истории. Антрополог Г. Ф. Дебёц был прав, когда говорил: если бы неандертальцы дожили до наших дней, мы должны были бы расценивать их как низшую расу. Из этого не сле-

¹¹ Черныш А. П. О времени возникновения палеолитического искусства в связи с исследованиями 1976 года стоянки Молодова I // Первобытное искусство. У истоков творчества. Новосибирск, 1978. С. 18–23; Гвоздовер М. Д. Археологическая характеристика верхнего палеолита // Природа и древний человек. М., 1981. С. 133.

¹² Исаенко В. Ф. О переходе древних обитателей Белоруссии к производящему хозяйству // Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 27–36; Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. С. 266.

дует, что их надо было бы истребить, но, общаясь с ними, мы обязаны были бы всё время помнить о различии их и наших возможностей. Миклухо-Маклай дал нам, по словам Льва Толстого, великий завет: человек везде человек. Верно: папуасы, приютившие русского путешественника, заслуживали любви и уважения. И всё же незачем закрывать глаза на то, что по уровню культуры они далеко отстали от европейцев. Это наши братья, но *меньшие* братья. Путь развития для них не заказан, но вряд ли при сложившихся обстоятельствах они сумеют пойти по нему. С тех же позиций нужно воспринимать и материалы о прошлом человечества, выявляемые при раскопках.

Обе атаки на разделяемую мной периодизацию первобытного общества основываются на примитивной мысли: всюду и всегда всё [Л. 19] было то же самое, и люди те же, и результаты их деятельности одинаковые, и прогресса не видно никакого. XX век с его ужасами заставил многих усомниться в идее прогресса. Но отказ от этой идеи, подтверждённой бесчисленными фактами, в том числе и археологическими, ни к чему доброму привести не может. [Л. 20]

Люди или животные?

Человеческая природа дуалистична. Мы появляемся на свет, насыщаемся, пользуемся органами чувств, размножаемся и умираем так же, как животные. Но кроме того, у нас есть духовные запросы, разум, мораль, общество. Даже сейчас, в космическом XX веке, у некоторых людей физическая сторона существования превалирует над духовной. Виной тому в одном случае — тяжкий недуг, в другом — жестокая нужда, заставляющая сосредоточить силы целиком на добыче средств пропитания, а третьем — формирование личности в ненормальных антигуманистических условиях. Но ещё в очень отдалённые времена рядом с людьми такого сорта жили люди противоположного склада, те, для кого главное в жизни не набитое брюхо, не чувственные наслаждения, а мысли, знания, добро, красота. Ими-то, сколь бы мало их ни было, определяется лицо человечества и прежнего, и теперешнего.

С какого же момента можно говорить о человечестве в высшем понимании этого слова? Тысячелетия, следовавшие за возникновением земледелия, эпоха строителей пирамид, создателей эпоса о Гильгамеше, заповедей Моисея, статуэток Мохенджодаро или расписной керамики Триполья, несомненно, эпоха истинного человека. Думается, что и в эпоху верхнего палеолита, оставившего нам фрески Ласко и Альтамиры, в этом отношении нельзя противопоставлять позднейшим этапам истории. Правда, в древнекаменном веке изобразительное творчество было свойственно лишь незначительной части населения земного шара, гораздо меньшей, чем в период металла, земледелия и скотоводства. Но всё-таки живительный огонь искусства в палеолите уже зажётся, пусть и в немногих очагах (он [Л. 21] ведь и сегодня ярко горит далеко не везде). При всей фрагментарности наших источников абсолютно законны предположения о параллельном развитии других видов творчества — музыки, танца, мифов, сказок. Художественное совершенство и сложный смысл наскальных рисунков позднего палеолита показывают, что духовная жизнь была тогда далеко не простой и давно прошла стадию зарождения.

Главная задача в начальной ступени периодизации, намеченной в предыдущем очерке. Бесспорна бедность внутреннего мира неандертальцев, синантропов, питекантропов по сравнению с верхнепалеолитическими людьми. Куда

труднее определить, аналогичны ли проблески духовной жизни у предков *Homo sapiens* подобным же проблескам в поведении животных или же мы видим здесь что-то качественно иное, человеческое в основе. Вокруг этого в 1950–1960-х годах развернулась дискуссия, в которой и мне пришлось участвовать.

Историк-медиевист Б. Ф. Поршнев напечатал в журнале «Вопросы философии» программную статью «Материализм и идеализм в вопросах становления человека»¹³. Он утверждал, что археологи, рассматривающие неандертальцев как обычных людей, глубоко ошибаются. Эти существа жили целиком по законам животного мира, а свои орудия изготавливали чисто инстинктивно, что случается и у птиц и зверей. Кости млекопитающих на мустьерских стоянках вовсе не свидетельствуют об охоте, а представляют собой остатки падали, подобранной неандертальцами на месте пиршества леопардов и других хищников (где критерий, указывающий, что изделия из кремня превратились, наконец, в орудия труда, а кости говорят об охоте, а не о чём-либо ином, Поршнев не объяснял). [Л. 22]

В статье было много дилетантизма, что раздражало серьёзных специалистов. Своим оппонентам автор стремился заранее заткнуть рты, обвиняя их в идеализме. Это возмущало другую группу читателей, в частности и меня. Но сама постановка вопроса о грани, разделяющей человека и животных, кажется мне важной, чего большинство археологов, не привыкших размышлять о высоких материях, к сожалению, не поняло.

В их среде возобладала тогда прямо противоположная тенденция. В свете новых раскопок мустьерских и более ранних стоянок неандертальцы и их предшественники оказались совсем не так примитивны, как полагали первые исследователи каменного века. Отсюда делался вывод: обитатели мустьерских и ашельских становищ были настоящими людьми, ничем принципиально не отличающимися от нас¹⁴.

К этому подталкивало между прочим то, что раскопки любых стоянок, включая самые ранние, ведутся примерно теми же методами, что и раскопки селищ и городищ железного века: на вскрытой площади отмечаются находки, иногда разрозненные, иногда образующие какие-то скопления. Вроде бы во всех этих случаях перед нами нечто аналогичное — остатки человеческих поселений. Но это впечатление создаётся именно тождеством методик исследования, а отнюдь не тождеством самих объектов. В Причерноморье и на Урале раскапывали и пещеры, где жили только медведи, и там находки [Л. 23] костей фиксировались поквратно, и там они то разбросаны, то концентрируются в определённых местах, хотя здесь нет, конечно, ни кострищ, ни орудий из камня.

Археологи не приняли во внимание ещё одно обстоятельство. Благодаря успехам молодой науки — биопсихологии — чрезвычайно обогатились и наши представления о психике и образе жизни животных, об их взаимоотношениях внутри стада. Изменилась, следовательно, не только характеристика неандертальцев, параллельно изменились и оценки возможностей млекопитающих.

Возьмём вопрос об охоте. При раскопках крымской пещеры Староселье из культурного слоя было извлечено около шестидесяти тысяч костей — остатки трапез палеолитического человека. 59 000 костей принадлежит одному виду —

¹³ Вопросы философии. 1955. № 5. С. 143–156.

¹⁴ См., например: Крайнов Д. А. Некоторые вопросы становления человека и человеческого общества // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 76–93.

дикому ослу. Охотиться на него крайне трудно. В минуту опасности он несётся быстрее кавалерийского коня со скоростью 64,3 километра в час. Не случайно ни на палеолитических, ни на неолитических стоянках степной полосы Причерноморья кости осла не попадают, хотя по свидетельству средневековых писателей он жил на Украине относительно недавно. А вот неандертальцы — согласно ряду реконструкций, неуклюжие существа с плохой координацией движений — убивали ослов сотнями и тысячами. Вероятно, они использовали пересечённый рельеф горного Крыма, изобилующий ущельями с крутыми неприступными склонами и местами, удобными для засады. Отыскивая тропы, пробитые к водопоям, и перекрывая немногие выходы из узких балок на открытое плато, люди истребляли целые табуны быстроногих лошадок. Именно так охотятся на джегитаев казахи на обрывистых берегах Аральского моря¹⁵. [Л. 24]

Наблюдения, сделанные мной в Староселье, не единичны. Жертвой неандертальцев из грота Тешик-Таш в Узбекистане чаще всего становились горные козлы, с поражающей современного натуралиста лёгкостью перелетающие с одной скалы на другую. В испанских пещерах Торральба и Амбронна кухонные отбросы эпохи ашель состояли из костей древнего и южного слона, носорога, быка, лошади; в поселении того же периода Кударо I в Южной Осетии — из останков пещерного медведя, гигантского оленя, лося, зубра, косули, серны, барана, горного козла. Ещё более раннее стойбище Бурбах в Эльзасе дало кости гиппопотама, древнего слона, носорога, быка. Синантроп из Чжоу-коу-дяна добывал слонов, носорогов, бизонов, лошадей, верблюдов. Уже наши ближайшие сородичи среди ископаемых обезьян — африканские австралопитеки — охотились на павианов, а открытый Л. Лики *Homo habilis* — даже на слона.

Итак, в отличие от человекообразных обезьян древнейшие гоминиды не только собирали растительную пищу, но и чуть ли не ежедневно вступали в единоборство с такими великанами, как слон и носорог, с могучим зубром, с грозным пещерным медведем; побеждали их, жарили их мясо на кострах. Между тем оружие раннего палеолита было предельно слабым и в очень малой степени могло помочь неандертальцу и синантропу при схватке со слоном и носорогом. Очевидно, главную роль играли тогда не копья, не камни, а охотничья тактика, сочетавшая засады в укромных местах и загон стад животных к крутым обрывам, где они и находили свою гибель.

Охота на крупных травоядных должна была повлиять на образ жизни людей, требуя от них знания звериных повадок, изобретательности, сложной организации коллектива, какого-то распределения обязанностей между загонщиками и теми, кто скрывался в засаде. [Л. 25] Для палеолитической орды это имело, конечно, куда большее значение, чем пресловутая борьба за самок, расписанная на многих страницах книги философа Ю. И. Семёнова о возникновении человечества¹⁶. Если бы орду раздирали непрерывные конфликты, наши предки никогда не одолели бы ни мамонта, ни пещерного медведя.

Всё это нужно учитывать. Но разве охотой кормятся только люди? Животное тоже умеет таиться в засаде, тоже отыскивает излюбленные звериные тропы к солонцам и водопоям. Таким образом, в развитии охоты не проявились ещё специфически человеческие качества. Существенна здесь, пожалуй, не столько победа беззащитного примата над гигантами четвертичной фауны, сколько коренная перестройка его поведения, превращение мирных растительноядных

¹⁵ Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и её место в палеолите. М., 1958. С. 55–57.

¹⁶ Семёнов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966.

в страшных для любого животного хищников. Эту перестройку надо рассматривать как необходимое условие формирования человеческого общества.

Те же соображения применимы и к иным сторонам интересующей нас проблемы. Мы восхищаемся древнепалеолитическими охотниками, освоившими огромные пространства Старого света, перевалившими через кавказский хребет, добравшимися до полярного Урала. Но и животные постоянно расширяют область обитания, проникают в соседние районы. Всё же и это важно — в процессе заселения областей с разным климатом и ландшафтом выработалась особая пластичность поведения, удивительная приспособляемость, характерная для рода *Номо*. Любопытны круглые жилища из костей мамонта на мутьерских стоянках Днестра. Но насекомые и птицы строят гнёзда не менее хитроумной конструкции. [Л. 26]

По мнению большинства наших археологов, начало нового этапа в жизни Земли ознаменовано созданием орудий труда. Возражая против этого, Б. Ф. Поршневу писал, что и в орудиях нет чего-либо специфически человеческого. Бобры возводят плотины из поваленных стволов деревьев. Дятлы выдалбливают клювом углубления в коре, куда засовывают шишки перед тем, как выклевывать из них зёрна [мне пришлось наблюдать дятла, который клювом расширял под себя отверстие — леток в скворечнике, повешенном на высокую берёзу (подробнее: Де Вааль 2017). — *Сост.*]. Периодически пользуются камнями и палками обезьяны. Исходя из этого и припомнив промелькнувший однажды у Ф. Энгельса термин «инстинктивный труд», Б. Ф. Поршневу декларировал, что древнепалеолитические рубила и остроконечники создавались инстинктивно и ничего принципиально не изменили в жизни их и творцов.

Вместе с другими археологами я спорил с Б. Ф. Поршневым и привёл следующие возражения: «орудия» животных немислимо без натяжек сопоставлять с орудиями палеолитического человека. Выдалбливая «станочки» для [лучения] шишек, дятлы продолжают своё обычное занятие — охоту за личинками, прячущимися в коре. Бобры обгрызают зелень с древесных ветвей. Где же тут аналогия с обработкой кремня, никак не связанного с питанием приматов? Неандерталец заострял конец копья кремнёвым отщепом, а отщеп оббивал камнем от нуклеуса. Обезьяны порой хватаются за булыжники и палки, но никогда не прибегают к помощи орудий-посредников¹⁷ [при более тщательном рассмотрении орудийного поведения животных выяснилось, что иногда ими используются и орудия-посредники. Так, шимпанзе в естественных условиях Африки для колки орехов приспособляют камень-наковальню и камень-молоток, а также тяжёлые дубины. Однако обезьяны, в отличие от людей, даже самых первых, никогда не сохраняют эти подручные средства после их применения и тем более не усовершенствуют их. Хотя нередко помнят места, где их оставили, и неоднократно к своим орудиям возвращаются (Панов 2008: 233–237). — *Сост.*]. Биологи, наблюдавшие за поколениями бобров, не могут заметить ни малейшей эволюции «строительных приёмов» мохнатых архитекторов. А палеолитические орудия эволюционировали, совершенствовались. Прежде [Л. 27] всего отнюдь не просто было выбрать наиболее пригодный для обработки материал — крепкий и в то же время легко колющийся, позволяющий получать отщепы с острыми режущими краями. До того, как люди по достоинству оценили преимущества кремня, они перепробовали десятки разных

¹⁷ Бадер О. Н., Брюсов А. Я., Киселёв С. В., Формозов А. А. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества // Советская археология. 1957. № 1. С. 256–260.

пород. Из доломита, кварца и кварцита изготовлены древнейшие галечные орудия Африки; из кварца, роговика, известняка и горного хрусталя — орудия синантропа. На протяжении всего нижнего палеолита непрерывно совершенствовалась обработка предметов из кремня. У древнейших ручных рубил рабочий край изломанный и неровный, у рубил последующей эпохи он идеально прямой. Правильная миндалевидная форма ручного рубила или треугольника — у остроконечника возникла в итоге длительных поисков максимально целесообразного типа орудий, а в какой-то мере, вероятно, и наиболее приятных для глаз очертаний.

Словом, перед нами не груда примитивно расколотых камней, а замечательные создания рук человеческих; серия технических достижений, изобретений, усложняющихся от эпохи к эпохе. Рядом с ними стоит и такое колоссальное по значению открытие, как использование огня.

Появление орудий — важный рубеж и для археолога, и для социолога. Рубеж этот, в свете недавних находок, приурочен к самому началу четвертичного периода. Возраст галечных орудий Олдувайского ущелья в Танзании близок к двум миллионам лет. Но всё же искусно оббитые кремни лишь облегчали их творцу жестокую борьбу за существование. Ими выкапывали съедобные корни, обстругивали деревянные рогатины и дубины, расчленили туши убитых животных. Огонь согревал пещерное жилище и отпугивал от него зверей. Прикрытый шкурами каркас из костей мамонта оберегал [Л. 28] семью неандертальцев от дождей и морозов. Всё это, разумеется, подготавливало расцвет духовной жизни в позднем палеолите, но имело к ней весьма косвенное отношение.

Некогда Френсис Бэкон видел специфически человеческое в изобретательстве. Соглашаясь с ним, мы должны бы признать истинным человеком синантропа — существо с убегающим назад лбом, скошенным подбородком и мозгом, едва составляющим две трети мозга *Homo sapiens*. Владел же синантроп огнём, умел охотиться на крупного зверя, делал инструменты из камня. Кое-кому этого вполне достаточно. Но людоед-синантроп с его примитивным мозгом, с выкриками вместо человеческой речи — ещё не настоящей человек, и определение Бэкона трудно считать исчерпывающим. Мне лично ближе, чем оно, идея Гердера о «гуманитете» — проявлении духовных качеств в человеке как решающем моменте в его истории. Первые свидетельства о духовной жизни — начало человечества, а всестороннее его развитие — далёкая цель его.

В общем, ответ на вопрос — людьми или животными были неандертальцы и синантропы — зависит от вашей установки. Если вам дорог в человеке его внутренний мир — это ещё не люди. Если для вас достаточно изощрённого умения преодолевать любые препятствия в борьбе за существование с помощью орудий и изобретений — это уже человек.

Даже сегодня забота о куске хлеба способна целиком поглотить гордого царя природы. Необходимы известные условия, чтобы духовное в нас не угасало. Надёжно гарантированные условия для этого возникли после освоения земледелия и скотоводства. Но и в более раннее время успешные загонные охоты позволяли людям смелее глядеть в будущее, думать не только о пропитании. Об этом [Л. 29] говорят, в частности, грандиозные скопления костей на тех палеолитических стоянках, где найдены произведения искусства. В Мезине на Десне, прославившемся изумительными изделиями из кости с геометрической орнаментацией, собраны останки 116 мамонтов, 83 северных

олений, 61 лошади, 17 овцебыков, 5 зубров, 3 носорогов и т. д.¹⁸ Сходная картина на донских костёновских стоянках, на поселениях Центральной Европы типа Пржедмости и Мораван. Столь же внушительные скопления костей встречены и на многих древнепалеолитических стоянках. Совершенствование кремнёвых орудий и сложной охотничьей тактики могло, следовательно, уже на этом этапе истории создать предпосылки для зарождения начальных примитивных форм духовных форм жизни.

То, что это так, показывают некоторые памятники мустьерской эпохи. В пещерах Петерсхеле во франконской юре, Драженлох в швейцарских Альпах и Регурду во Франции обнаружены своеобразные ящики из плиток камня, пристроенные к скальным стенам и заполненные черепами пещерных медведей. Ни один из них не раздроблен, как обычно, для добывания мозга. По аналогии с культовыми выкладками из черепов верхнепалеолитической поры и позднейшего времени археологи предполагают, что это следы неандертальских жертвоприношений¹⁹. Искусственная группировка черепов животных выявлена и [Л. 30] при раскопках ряда пещер в СССР — Ильинка близ Одессы, Аман-Кутан в Узбекистане, Цуцхвати в Грузии.

На мустьерских поселениях открыты древнейшие в мире погребения. Сохранность большинства скелетов (а среди них и костяк грудного младенца из Ла Ферраси) относительно хорошая. По-видимому, неандертальцы не бросали трупы на поверхности земли, а вырывали для них могилы. Головы покойников, как правило, обращены на север или на юг, что может отражать устоявшийся ритуал захоронения.

И тот, и другой факт связаны с заключительной — мустьерской ступенью раннего палеолита, так что, казалось бы, можно констатировать зарождение духовной жизни как раз на грани первой и второй стадий нашей периодизации. Но у археологов слишком мало материалов о домустьерском времени. Подавляющая масса становищ этой эпохи размыта, разрушена, и погребения или выкладки из черепов на них просто могли быть уничтожены. В редких же непо потревоженных стоянках намёки на такие памятники есть. В ашельском слое при входе в пещеру Кударо I лежали, с одной стороны, — целый череп пещерного медведя, а с другой — целый череп гигантского оленя. На обоих зверей чаще всего охотились обитатели грота. находку нельзя объяснить случайностью. Черепа тех же животных, в том же положении найдены и в соседней пещере — Кударо III. Вовсе не исключено, что охотничьи культы, культ зверя восходят к ашелю, даже к предшествующему периоду.

Приведённые наблюдения неизменно подвергаются яростной критике людьми, посвятившими себя антирелигиозной пропаганде. Они почитают своим священным долгом доказывать чрезвычайно позднее возникновение религиозных представлений. На мой взгляд, [Л. 31] признание зачатков религии у неандертальцев несколько не менее ортодоксально, чем декларации о появлении её вместе с человеком современного вида. Религия — наиболее архаичная форма духовной жизни, на протяжении истории постепенно теряющая былое значение, и истоки её надо искать в самой глубине веков. Противопоставленная этому тези-

¹⁸ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965. С. 97.

¹⁹ Menghin O. Der Nachweis des Opfers in Altpaläolithikum // Wiener Prähistorische Zeitschrift. 1926. XIII. S. 14–19; Bächler E. Das alpine Paläolithikum der Schweiz. Basel, 1940; Bonifay E. Un ensemble rituel moustérien à la Régourdou (Montignac, Dordogne) // Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche et protoistoriche. Firenze, 1965. II. P. 136–140.

су гипотеза о длительнейшей дорелигиозной эпохе, как об утраченном естественном состоянии человечества²⁰, — типичная догма вроде печально памятного для нашей науки отрицания классической генетики, кибернетики или теории относительности. Разумеется, древнейшие предки человека подобно животным обходились без религии, но в том, право, нет ничего похвального. По мере становления человеческого общества, по мере сложения духовной жизни складывалась и религия. В этом, напротив, нет ничего предосудительного. Именно данная форма духовной жизни отвечала уровню развития наших палеолитических предков.

Я лично склонен начинать историю человечества в полном смысле этого слова с верхнего палеолита, а в создателях древнепалеолитической культуры вижу хотя и не животных, но не более чем последнюю ступень лестницы между животными и человеком. Неандертальцам и обезьянолюдям мы обязаны очень многим, однако, главным образом, предпосылками, сделавшими возможной саму духовную жизнь. [Открытия археологов, антропологов и генетиков последних лет всё решительнее «реабilitируют» неандертальских людей, рассматривая их как первое, возможно что и экспериментальное человечество, которому по ряду причин не повезло выжить (Вишняцкий 2010). — *Сост.*]. Только на завершающем этапе раннего палеолита мы сталкиваемся с памятниками, оразившими её первые шаги.

С этим согласуются сведения, полученные археологами и антропологами, о взаимоотношениях внутри орды неандертальцев и питекантропов. На заре каменного века достаточно частым явлением [Л. 32] было людоедство. Синантропы из Чжоу-коу-дяна и неандертальцы из Крапины в Югославии убивали и ели своих собратьев. Черепа из Эрингсдорфа, Монте Чирчео, Броккен-хилла, Неандерталея ещё в древности были проломлены страшными сокрушительными ударами. В бедро и таз человека, похороненного на горе Кармел (Схул IX), некогда вонзилось деревянное копьё. Результат ли это голодовок, стычек при дележке добычи, схваток между пришельцами и аборигенами — решить не в наших силах. Судя по совершенно одинаковым повреждениям серии черепов из Нгандонга — в девяти из них пробито основание вокруг затылочного отверстия — головы у этих яванских неандертальцев были насажены на копьё²¹. Вероятно, то была часть культовой церемонии, похожей на обряд с головами медведей в мустье Альп и Пиренеев.

И в то же время мы знаем другие факты. Неандерталец из Ла Шапелль о Сен во Франции страдал острым воспалением суставов и нагноением челюстей. К концу жизни он был жалким беспомощным инвалидом, но его не убили, не съели, о нём заботились²². У неандертальца из Шанидара в Ираке была парализована рука, но и он не погиб сразу же после травмы, как неминуемо гибнет искалеченное животное²³. Благополучно пережил тяжёлую болезнь — экзостоз [Л. 33] бедра и яванский питекантроп I. Скелетик новорождённого из Ла Ферраси — это свидетельство [заботы] сородичей даже о самых маленьких членах орды. Взаимопомощь существует и у животных, но тут мы встречаемся с чем-то

²⁰ См., например: Зыбковец В. Ф. Дорелигиозная эпоха. М., 1959.

²¹ Weidenreich F., Coenigswald G. Morphology of Solo man // *Antropological Papers of the American Museum of Natural History*. New York, 1951. Vol. Part 3. P. 216.

²² Boule M. L'Homme fossile de la Chapelle aux Saints // *Annales de Paléontologie*. Paris, 1912. P. VII.

²³ Stewart T. First Views of the restored Shanidar I Skull // *Sumer*. Baghdad, 1958. 14. № 1–2. P. 90–96.

большим — с зачатками ещё на стадии древнего палеолита новых человеческих взаимоотношений. [См. о глубоких истоках альтруизма и сотрудничества в природе и ранних социумах: Де Вааль 2014; Ридли 2016. — *Сост.*]

Хорошо известные всем этнографам запреты — табу — не что иное, как примитивные моральные заповеди первобытного общества, регулирующие быт племени, не допускающие внутри него звериные эксцессы. У народностей, стоящих на уровне неолита, табуальные запреты уже настолько выражены, что возникать они могли лишь значительно раньше — в мезолите и палеолите.

Ни им, ни позднейшим морально-этическим религиозным учениям не удалось подавить звериное в человеке. Из культурного слоя мезолитической стоянки Холодный грот (Хупунипшахва) в Абхазии происходят черепа восьми людей — шести взрослых и двух подростков — с нарезками, указывающими на снятие мяса с костей (о них не пишут, ибо абхазы почему-то усмотрели в этом укор для своих предков). Скорее всего какие-то исключительные обстоятельства вызвали вспышку людоедства у охотников и рыболовов Холодного грота, но настал час, когда звериное в них возобладало.

И позднее людоедская звериная мораль не исчезла, хотя приобретала разные обличья. Не раз проявлялся в истории человечества и утилитаризм — стремление свести к минимуму духовные запросы общества. Ни одна из этих попыток не привела ни к чему. Люди не могут жить без искусства, морали, религии. Но попытки повторялись. [Л. 34]

Общее и частное, своё и чужое

В середине XIX века — в период формирования первобытной археологии как особой научной дисциплины — древних вещей при раскопках было собрано сравнительно мало, и они казались очень сходными. Учёные стремились в ту пору лишь к восстановлению последовательных этапов эволюции единой во всём мире культуры человечества. В России надеялись найти такие же пещеры с палеолитической живописью, как во Франции, такие же свайные постройки, как в Швейцарии.

В дальнейшем, по мере накопления коллекций, в них начали замечать определённые различия. Сперва их считали хронологическими и усматривали в каждом памятнике, не похожем на ранее найденные, отражение ещё одного звена в цепи развития культуры. Но в конце концов материала стало так много, что нельзя было не увидеть разницы в одновременных предметах из Испании и Скандинавии, с Русской равнины и Кавказа. Параллели из этнографии — специфические комплексы орудий, одежды, утвари, свойственные отдельным языковым и этническим группам — позволили взглянуть на археологические находки с новой точки зрения. К этому моменту основные типы первобытного хозяйства, оружия, домостроительства и т. д. были уже намечены. Естественно, что археологов увлекло открывавшееся перед ними совершенно нетронутое поле исследований. Повлияло на них и усиление интереса к национальным проблемам на рубеже XX столетия. Отсюда вывод — надо изучать не первобытную культуру вообще, а её локальные варианты — специфические археологические культуры, развивавшиеся достаточно разными путями, или, [Л. 35] иначе говоря, историю древних племён, в том числе и предков нынешних народов.

В разработку этих вопросов наши учёные включились ещё до революции. В 1920-х годах П. П. Ефименко, В. А. Городцов, Б. С. Жуков, М. Я. Рудинский,

С. А. Теплоухов, Г. Ф. Дебец успешно классифицировали кремнёвые изделия и глиняные сосуды каменного и бронзового веков и выделили в пределах СССР серию археологических культур этого времени. Вскоре их плодотворная работа была пресечена. Люди, имевшие к науке крайне отдалённое отношение, но стоявшие во главе центрального археологического учреждения страны — Государственной академии истории материальной культуры — признали ортодоксальным только конструирование стадий развития, универсальных для Европы и Азии, Африки и Америки. Тот же, кто ищет локальные различия в культуре неолита, писал в 1931 году распоряжавшийся в ГАИМК С. Н. Быковский, — «обосновывает идею существования высших и низших рас..., содействует панфинистам, подводя “научную” базу под их шовинистические политические идеи»²⁴. Чем грозили подобные обвинения, нетрудно догадаться.

Положение изменилось в 1940-х годах. Тогда, напротив, самой актуальной оказалась национальная тема. Коснулось это и древнейшей истории. Выделение местных особенностей в орудиях и утвари эпохи камня и бронзы, попытки сопоставить [Л. 36] археологические данные со сведениями письменных источников о предках ныне существующих народов теперь уже не осуждались, а поощрялись. Среди книг и статей, посвящённых этим вопросам, есть очень полезные, содержащие тщательный анализ тысяч кремней и черепков, но порядочно и поверхностно-спекулятивных. В типовых диссертациях этих лет — о «племенах» какого-либо района — мелкие различия в узорах на глиняных горшках просто и бездумно выдавались за ценнейшие свидетельства об этногенезе сегодняшних обитателей этой территории. Если неолитическая посуда с право- и левобережья протекавшей по области реки совпадала не во всех деталях, смело проводилась этническая граница и т. д.

Сейчас такой легковесный подход к сложнейшему материалу мало кого убеждает, в связи с чем ослабел интерес и к этнической истории. Но сама проблема ни в коей мере не снята. Археологи имеют дело не с воображаемыми, а с реальными различиями древних предметов. Не в том суть, стоят ли за этим многообразием именно племена или иного характера объединения. Перед нами важное явление в жизни человечества, изучать же это явление можно не только в этническом аспекте или — что хуже — с открыто националистическими тенденциями (где великие предки русских, грузин, армян?), а именно в аспекте историко-культурном. Для меня Карло Росси или Исаак Левитан — люди русской культуры, вне зависимости от их происхождения. Не в том главное — иранцы ли геродотовы скифы или предки славян. Существеннее проследить истоки их культуры в евразийских степях и то, какие элементы её вошли в наше наследие.

Вступив в науку в 1945 году, когда все занимались выделением и толкованием археологических культур, я сосредоточился [Л. 37] сначала на тех же вопросах и при исследовании стоянок Казахстана, Крыма, Северного Кавказа старался уточнить ареалы бытования здесь неолитических комплексов. Но, размышляя над принципами построения этнической истории, методикой работ в этой области, я в ряде пунктов разошёлся с моими коллегами и формулировал свои позиции иначе, чем они.

Первое: не всякий вариант археологических памятников соответствует племени или этнической группе, хотя у наших учёных неизменно так и получается.

²⁴ Быковский С. Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 4–5. С. 20–21.

Я пытался отделить варианты, обусловленные особенностями природного окружения человека или его хозяйства, от тех, что объясняются лишь этническим родством. Любопытны в этом контексте микролиты степной и пустынной зоны СССР. Техника выделки орудий из ножевидных пластинок, изобретённая в верхнем палеолите, достигла наибольшего расцвета в мезолите. Предельно тонкие, лёгкие и правильные пластинки служили тогда идеальными заготовками для самых разнообразных миниатюрных орудий — наконечников стрел, скребков, резцов, проколов, вкладышей, вставлявшихся в костяные или деревянные стержни. Этот микролитический инвентарь, распространённый в мезолите и в Европе, и в Азии, и в Африке, почти везде сменили потом шлифованные или двусторонне обработанные орудия чисто неолитических типов. Но в Крыму, Приазовье, Северном Предкавказье, Нижнем Поволжье, Казахстане, Туркмении, Забайкалье, Монголии орудия мезолитического облика исчезли не сразу. На стоянках Приаралья или Прикаспия встречаются в одном слое и обломки глиняных сосудов, и микролитические кремни.

По моим представлениям, специфика неолита в степях и в пустынях вызвана длительным сохранением у тамошнего населения [Л. 38] архаичной формы хозяйства — бродячей охоты с луком и стрелами. В лесах и в тайге люди в неолите перешли к рыболовству. Им понадобились крупные топоры, тёсла, долота для изготовления лодок, плотов, рыболовных заколов. Жители предгорий освоили земледелие. Главным их орудием стали мотыги. Тут рано появился металл, вытеснивший инструменты из камня. В безлесных степях до перехода к скотоводству в III–II тысячелетиях до новой эры охота по-прежнему была основой экономики. Поэтому здесь и сложился своеобразный вариант культуры. Его нужно выделять как историческую реальность, но это не показатель этнического единства. Пристальное изучение и самих микролитов, и сопровождающих их находок помогло разбить степную и пустынную полосы на несколько более узких локальных вариантов, дальнейшее же развитие этих малых культур подводит нас к разным в этническом отношении общностям эпохи бронзы²⁵.

Вторая волновавшая меня проблема — это преемственность. Этническая история любого района обычно выглядит у археологов как перманентная смена приходящих извне групп населения. Первые люди продвигаются с юга, потом их поглощают пришельцы с востока, затем всё перекрывает волна с запада и т. д. Бывало, вероятно, и так. Однако в большинстве случаев можно говорить о непрекращающейся линии эволюции характерного для данной области комплекса производственных и бытовых изделий. Первоначальное население редко исчезает без следа. Результаты его труда усваиваются пришельцами. [Л. 39]

Мне, как будто, удалось установить, что северная и южная зоны верхнего палеолита Европейской части СССР восходят к двум локальным вариантам мустье той же территории. В кавказском мустье почти нет орудий с двусторонней обработкой, типичных для Русской равнины. И в позднем палеолите Кавказа кремни обрабатывали всегда лишь с одной стороны, меж тем как к северу от него нередко применяли целиком отретушированные наконечники копий или ножи²⁶.

²⁵ Формозов А. А. Микролитические памятники Азиатской части СССР // Советская археология. 1959. № 2. С. 47–59.

²⁶ Формозов А. А. 1) Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. С. 39–42; 2) Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.

Точно так же намечается преемственность неолитических культур Европейской части Союза от местного мезолита. Там, где на мезолитических стоянках мезолитических комплексах (Волго-Окский бассейн). Там, где в мезолите использовали вкладыши в виде трапеций и сегментов, эти изделия были в ходу вплоть до эпохи бронзы (Крым, Левобережная Украина). Районы в мезолитическое время пограничные — на стыке культур — остались такими же и в III тысячелетии до новой эры (Казанское Поволжье)²⁷.

Надёжно соединить концы обеих линий развития в верхнем палеолите, что было бы очень заманчиво, я, пожалуй, не сумел, хотя кое-какие соответствия наблюдаются и на этом этапе каменного века (наконечники копий из пластин на Русской равнине, ранние сегменты на Кавказе). [Л. 40]

Этому направлению исследований я склонен придавать особое значение. Поколению, оглушённому воплями всевозможных хунвейбинов о полном и окончательном разрыве с историческим прошлым, важно почувствовать, какую огромную роль играет преемственность в развитии общества. В те дни, когда наука всё больше дробится, и учёные наперегонки вводят новые и новые градации подразделений, небесполезно уловить общие для них черты, свести тысячи микроскопических номенклатурных единиц в какие-то удобообозримые группы.

Схематизм вещь рискованная. Непрерывная эволюция орудий свидетельствует лишь о преемственности в развитии материальной культуры, но отнюдь не обязательно о формировании этноса на местной основе. И всё же я убеждён и в необходимости проследивать это явление всюду, где оно сколько-нибудь выражено, и в преимуществе обобщённой картины перед чрезмерной детализацией. Стремление фиксировать только бесчисленные мелкие различия в коллекциях, освещающих неолитическую или какую-либо другую эпоху, дабы «изучить конкретную историю», равносильно тезису, что для серьёзной оценки XIX века надо восстановить биографии всех живших тогда людей. Подобная задача, наверное, разрешима, но крайне сомнительно, что после этого минувшее столетие покажется нам яснее.

С этим связан третий существенный тезис. Ещё в конце XIX века русские исследователи заметили близость археологических материалов, собранных в разных районах лесной зоны Европейской части страны. Позднее финский археолог Ю. Айлио создал понятие о единой неолитической культуре ямочно-ребенчатой керамики на этой территории. Проведённый А. Я. Брюсовым, М. Е. Фосс и другими тщательный анализ орнаментов на глиняных сосудах со [Л. 41] стоянок этого региона позволил выделить внутри него несколько более узких ареалов. Означает ли это, что очерченная некогда огромная территория — всего лишь фикция, а реальны только малые культуры — карельская, каргопольская и т. д.? На мой взгляд, нет, хотя А. Я. Брюсов настаивал как раз на таком решении вопроса.

По-моему, для выделяемых археологами ареалов нужна определённая градация, подобная той, что со времён К. Линнея применяется у биологов (вид, род, семейство, отряд, класс). Волк, заяц, олень, лиса, лось, хомяк не похожи друг на друга, но из этого вовсе не следует, что каждый из этих видов в системе природы занимает совершенно обособленное и равноценное место. Нет, волк и лиса входят в отряд хищников, заяц и хомяк — грызунов, лось и олень —

²⁷ Формозов А. А. Этнокультурные области... С. 87–102.

в отряд копытных. Так же должны объединяться в некие крупные общности и узлокальные археологические культуры.

В 1950–1970-х годах в IV зале исторического музея А. Я. Брюсов показывал археологические находки в таком порядке: 1) карельская культура; 2) каргопольская; 3) горбуновская; 4) срубная; 5) андроновская; 6) коллекции с Кольского полуострова и из Большеземельской тундры; 7) Бессарабский клад; 8) полтавкинская культура; 9) балановская; 10) Фёдоровская стоянка у Чухломы; 11) среднеднепровская культура; 12) галичская; 13) карасукская²⁸.

Ещё тогда я воспринимал эту экспозицию как сумбурную, не способную что-либо прояснить ни для посетителей, ни специалистов, [Л. 42] ни, тем паче, неподготовленных. Здесь смешаны материалы по крайней мере пяти резко отличающихся в историческом плане регионов: 1) область ямочно-гребенчатой керамики, включающая карельскую, каргопольскую и галичскую культуры, Фёдоровскую стоянку, памятники Кольского полуострова и Большеземельской тундры, а также совершенно напрасно оторванные от них льяловскую, белёвскую, рязанскую, балахинскую культуры, представленные в зале; 2) культуры степного круга — срубная, андроновская и предшествующие им полтавскинская и северокавказская; две последние надо бы демонстрировать вместе с катакомбной, попавшей в зал III; 3) культуры центрально-европейского происхождения — среднеднепровская и балановская, противостоительно оторванные и друг от друга и от фатьяновской, помещённой опять-таки в зал III; 4) уральская культура Горбуновского торфяника; 5) центрально-азиатская — карасукская.

То, что узлокальные археологические культуры входят в какие-то более крупные области или общности, понимали все учёные, умевшие смотреть на факты в широком историческом контексте — В. А. Городцов, П. П. Ефименко, М. Я. Рудинский, С. Н. Замятин, занимавшиеся преимущественно Европейской частью СССР; В. Н. Чернецов и А. П. Окладников, работавшие в Северной Азии. Противниками этого положения как правило были узкие специалисты, знающие только свой район и не желающие взглянуть на проблему пошире. К тому же последовательности у этих авторов незаметно. То они с пеной у рта выступают против выделения крупных культурных областей, то сами намечают какие-то ареалы с ещё большим территориальным охватом (В. П. Любин, М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев). [Л. 43]

Примерно те же вопросы встают при изучении бронзового века. В огромной зоне распространения памятников андроновского облика удаётся уловить разницу между захоронениями двух типов. В могилах с трупосожжениями (фёдоровских) сосуды не имеют уступчика на шейке, в могилах с трупоположениями (алакульских) у горшков такие уступчики есть. Вероятно, эти мелкие детали заслуживают внимания, но отказываться на этом основании от представления об андроновской общности, выделенной по множеству признаков, в высшей степени нелепо.

Можно заниматься материалами только о древнерусском племени вятичей, можно анализировать данные о восточных славянах вообще, или о всех славянах в целом, или даже об индоевропейской семье народов. Каждая такая работа оправдана, но любая — требует особого масштаба, контекста, горизонта. При этом важнейшие явления вроде преемственности в развитии культуры бу-

²⁸ Государственный Исторический музей. Путеводитель по залам I–VII, А, Б, В. М., 1960. С. 35–64.

дут видны чётче при осмыслении всех славянских, а не одних только вятичских древностей.

По-иному, чем мои коллеги, подхожу я и к четвёртой проблеме — о времени формирования локальных вариантов первобытной культуры и их сущности. Многие археологи не видят никакой разницы между вариантами, выделяемыми для мустьерской стадии палеолита и для бронзового века. Это неисторично. Можно ли писать о племени в мустье²⁹, когда у австралийцев, близких по уровню к мезолиту, а то и к неолиту, племя едва зарождается? Местные особенности культуры были и в позднем палеолите, и в мустье, и даже в ашеле, но они отражали скорее не этническое деление, а различия в природной среде, в характере охотничье-собираательского [Л. 44] хозяйства, в производственных традициях отдельных орд или общин. Да, сейчас во многом надо уточнить картину, нарисованную в 1951 году С. Н. Замятниным³⁰ или в 1959 году мною, но принцип историзма, лежащий в основе этих работ, вряд ли устарел.

В древнем палеолите археологических культур в собственном смысле этого слова не было (хотя количество ручных рубил или каких-либо ещё предметов на стоянках могло быть разным). Только в мустье заметна, притом очень нечётко, группировка в определённых регионах поселений с поделками сходного облика (мустье с двусторонне обработанными орудиями на Русской равнине или без них — на Кавказе). И лишь в верхнем палеолите мы сталкиваемся с сериями памятников, похожих по типу инвентаря и расположенных на смежных территориях, то есть с тем, что для более позднего времени именуют археологическими культурами. Быть может, тогда же возникли и племена, но, учитывая австралийский материал, это событие всё-таки надёжнее приурочить к мезолиту.

Как же нужно исторически истолковывать намеченный здесь процесс формирования локальных вариантов культуры? Я предполагаю, что единство в приёмах обработки кремня, свойственных сперва обособленным ордам, установилось у ряда общин, когда они начали поддерживать между собой тесные и постоянные связи, обусловленные законами экзогамии. Этнографов поразила австралийская брачная система — «порядок, который охватывает весь континент, делит далеко отстоящие друг от друга племена на [Л. 45] брачующиеся классы и даёт мужчине одного класса брачные права на всех женщин другого класса, даже если племя отстоит на тысячу миль и говорит на другом языке»³¹. Нельзя игнорировать этот факт и превращать палеолитическое человечество в скопище маленьких замкнутых коллективов, до ужаса боящихся общения с соседями, как это выглядит, скажем, у Г. П. Григорьева. Находки морских ракушек на стоянках Десны и Среднего Дона, моллюсков из Индийского океана — в Грузии в пещере Сагварджиле, кавказского обсидиана — на Русской равнине не согласуются с такими представлениями. Замкнутость всегда ведёт к застою. Общины палеолитических охотников не могли развиваться без сношений со всем кругом сопредельных районов. Благодаря этому по бескрайним просторам Старого Света распространялись новые прогрессивные методы обработки кремня и прочие технические достижения.

²⁹ Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и возникновение *Homo sapiens*. Л., 1968. С. 146.

³⁰ Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии Академии наук. XVI. Л., 1961. С. 89–152.

³¹ Fison L., Howwit A. *Kemirlaroi and kernai*. Melbourne, 1880. P. 54.

Пока происходило первоначальное расселение наших предков из центра очеловечивания, количество обезьянолюдей, а потом и неандертальцев и в Европе, и в Азии было совсем небольшим. Они к тому же нередко вымирали в результате эпидемий и голоднок. Преемственность не раз прерывалась, и провести линию эволюции в развитии культуры часто оказывается трудным. Но ещё до возникновения земледелия — в позднем палеолите и мезолите — заселённость Земли стала гуще, а запустение каких-либо районов — менее обычным явлением. На материалах этих эпох, и уже конечно более поздних, преемственность выражена гораздо лучше.

До сих пор речь шла в основном о палеолите и мезолите. Различия в коллекциях этого времени из двух соседних областей [Л. 46] у археологов этого времени принято оценивать как очень существенное обстоятельство. В действительности же перед нами всего-навсего разница в ремесленных приёмах изготовления некоторых инструментов, мелкие детали, не слишком важные для самих первобытных людей. Сколь бы велика ни была специфика каких-то районов, всё человечество проходило в древнекаменном веке одни и те же этапы эволюции — от отщепов, сколотых с дисковидного нуклеуса, — к пластинам и призматическому нуклеусу; от загонной охоты — к охоте с луком и стрелами, дополнившейся рыболовством.

Неизмеримо сложнее лицо неолитического мира. Именно с этих пор намечилось несколько принципиально разных линий развития. Области с производящей экономикой отделились от остальной ойкумены, где ещё долго сохранялись законсервировавшиеся формы присваивающего хозяйства. Эти два ареала распадались на сотни более мелких. Кое-где решающее значение в жизни людей принадлежало земледелию, кое-где — охоте, скотоводству, рыболовству. Производящее хозяйство постепенно завоёвывало новые территории. При этом получались оригинальнейшие сочетания своего и чуждого, местного и заимствованного.

Возьмём для примера Кавказ III тысячелетия до новой эры. К югу от хребта жили тогда земледельцы так называемой куро-араксинской культуры. Они обитали в неукреплённых посёлках из круглых глинобитных домов, хоронили покойников на кладбищах без каких-либо внешних признаков на поверхности, пользовались медными и бронзовыми топорами, кинжалами, копьями.

Северный Кавказ заселяли племена майкопской культуры. В их хозяйстве первое место занимало скотоводство. Посёлки были обведены каменными стенами. Прямоугольные «турлучные» жилища [Л. 47] строили, оплетая опорные столбы плетнём и обмазывая его глиной. Над прахом умерших насыпали курганы высотой до 10 метров. В них найдены импортные малоазийские или шумерские золотые и серебряные сосуды, медные тёсла и топоры. На стоянках металлические вещи, напротив, встречаются редко. Зато здесь собраны тысячи каменных шлифованных топоров, кремнёвых ножей, наконечников стрел и скребков. Украшениями в майкопской культуре служили бусы из привезённых издалека полудрагоценных камней — иранской бирюзы, анатолийской морской пенки, бадахшанской ляпис-лазури — и в то же время примитивнейшие подвески из зубов и челюстей животных и браслеты из сланца. Вероятно, эта культура возникла в результате слияния местных неолитических племён с пришельцами из Малой Азии или Закавказья, стоявшими уже на энеолитической ступени развития. Двухкомпонентность чувствуется и в духовной жизни древнейших скотоводов Северного Кавказа. В одной могиле Майкопско-

го кургана лежали каменный топор с затупленным лезвием — черта обряда, присущая охотникам, воплощение их страха перед мёртвыми — и серебряные сосуды с символами «трёх царств естества», знакомых нам по мифологии классического Востока³².

Третий вариант кавказского энеолита представлен на Черноморском побережье. Это дольменная культура. Отчасти она похожа на майкопскую культуру: то же скотоводство, то же преобладание каменных орудий над бронзовыми, но главной её особенностью являются необычные погребальные сооружения в виде домиков из пяти-шести громадных отёсанных каменных блоков. Вес покровной плиты дольмена достигает 22 и более тонн. Доставка монолитов на кладбище, [Л. 48] отёска их, строительство усыпальницы требовали от людей колоссального напряжения сил и больших ремесленных навыков. Видно, идея загробного жилища властвовала над племенами кавказского Причерноморья не меньше, чем над египтянами³³.

Можно объединить эти три культуры — все они отражают переход от каменного века к бронзовому; для всех характерно развитое производящее хозяйство. Можно противопоставить весь энеолитический Кавказ энеолиту степной полосы. Но специфика любой из трёх областей очень велика и в формах экономики, и в бытовом укладе, и в духовной жизни (о чём свидетельствуют хотя бы различия в погребальном обряде). Что это — три племени? Скорее три группы племён или народности, ибо ареалы культур много больше известных этнографам племенных территорий. Во всяком случае — это три разных общества, каждое со своим неповторимым комплексом признаков.

Равноценны они или одно из них выше, а другое — ниже, сказать трудно. Майкопскую культуру с обилием каменных орудий надо, как будто, считать отсталой по сравнению с куро-араксинской. Но в последней мало импортных переднеазиатских вещей, а, судя по недавним находкам, в майкопское время вошли в употребление даже гончарный круг и конская упряжь, появившиеся за хребтом гораздо позднее. Дольменная культура по лепной керамике и наличию каменных орудий достаточно примитивна, но такого строительного искусства, как в Причерноморье, в Центральном Закавказье не знали до железного века. [Л. 49]

Встаёт большой вопрос о многолинейном развитии общества. Исследование археологических памятников доколумбовой Америки, оставленных людьми, очень рано обособившимися от населения Старого Света, показывает, что им были свойственны как общие для всего человечества, так и весьма необычные черты культуры. Переход от охоты к земледелию и скотоводству, образование на стадии производящего хозяйства государств, городов, систем письменности совершались и в Америке. Специфично же возникновение у народов майя государства, письменности, развитой астрономии и городов при отсутствии металла, плуга, мотыги, ирригации, вьючных животных, гончарного круга и колеса. Ничего подобного в Восточном полушарии мы не увидим, хотя и здесь немало странных сочетаний, вроде Бенинского царства без письменности в Африке.

Изучение цивилизации древней Америки позволяет утверждать, что основные этапы развития общества прослеживаются повсеместно, и нам незачем

³² Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 64–152.

³³ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. С. 76–87.

отречься от идеи единства человечества и стадий истории. Но у нас явно чересчур увлекались всяческой унификацией и генерализацией и придумывали универсальные законы, исходя из сугубо частных наблюдений.

На глиняных горшках срубной культуры II тысячелетия до новой эры из степных курганов в Поволжье и Причерноморье нередко прочерчены строчки значков, напоминающих буквы. Установив повторяющиеся части знаков, я высказал предположение о зачатках письменности в конце эпохи бронзы на Юге СССР³⁴. Это было [Л. 50] встречено с крайним скептицизмом. Во-первых, в письменности нуждаются лишь государства, а не какие-то дикари. Во-вторых, ей положено складываться на базе пиктографии, иероглифики, а ни того, ни другого в Причерноморье нет. Оба возражения не убедительны. Скотоводы-срубники жили в тот период, когда от государств Передней Азии их северные соседи восприняли навыки металлургии, обработки земли, разведения домашнего скота. Почему же не могла быть сделана попытка освоить и письменность? Имели сношения эти племена и со знавшим письмо Крито-Микенским миром. Интересно этнографическая параллель: в 1833 году обитатели Либерии и Сьерра-Леоне, знакомые с арабским и латинским алфавитами, не заимствуя их букв, но руководствуясь идеей алфавита, изобрели самостоятельную слоговую систему письма — Ваи³⁵. Что же касается единственного якобы пути от рисунков к знакам, то это неверно. Знаки в истории культуры появились раньше, чем изображения. Основой скандинавских рун послужили счётные знаки и культовые символы, а вовсе не пиктограммы. Такие же значки известны и в бронзовом веке Причерноморья.

Результатом другой универсализации кажутся мне бесплодные поиски палеолитической живописи в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии. Объективный анализ материала заставляет признать, что изобразительное творчество характерно отнюдь не для всех древних племён. У многих из них, в том числе и у занимавших обширные территории и передовых в техническом отношении, [Л. 51] не было ни скульптуры, ни живописи. Таковы в эпоху бронзы в пределах СССР — носители андроновской, фатьяновской, срубной, абашевской, тшцинецкой, кизил-кобинской культур. То же можно отметить и в неолите, и в палеолите. Только при изучении памятников определённого типа, с которым и прежде были связаны находки произведений искусства, мы вправе ждать аналогичных открытий³⁶. [См. первое исключение из отмеченного автором правила, признанное им самим (Формозов 2004, 80–89). — Сост.]

На примере энеолита Кавказа видно, как нелегко найти место для каждой культуры в обобщённой истории человечества. Чем сложнее сочетание компонентов отдельной культуры, тем это труднее. Цивилизация античной Греции представляется более развитой и человечной, чем древнеегипетская, но вот портретов, равных голове Нефертити или «Сельскому старосте», эллины создать не сумели.

³⁴ Формозов А. А. 1) Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // Вестник древней истории. 1958. № 1. С. 193–200; 2) Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности // Вестник древней истории. 1963. № 2. С. 180–183.

³⁵ Ольдерогге Д. А. Следы существования письменности у народов Верхней Гвинеи до европейской колонизации // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 28. М., 1958. С. 70.

³⁶ Формозов А. А. 1) Очерки по первобытному искусству. М., 1969. С. 213–228; 2) К проблеме «очагов первобытного искусства» // Советская археология. 1983. № 3. С. 5–13.

Несомненно, земледельцы и скотоводы поднялись на новую ступень по сравнению с рыболовами и охотниками. У нас это нередко замазывают. А. П. Окладников, разыскивавший поселения и могильники в сибирской тундре и тайге, готов на любые ухищрения, чтобы показать величие обитавших здесь народов. «Несмотря на раннее прогрессивное развитие или, вернее, именно из-за него, культурный уровень лесных племён Сибири оставался ещё очень низким»³⁷, — туманно пояснял этот автор. На Ангаре и Лене долго не умирали традиции реалистического охотничьего искусства. Зверобои-чукчи вырезали на клыках моржей замечательные по живости сценки. Заселение ледовых просторов Арктики было настоящим [Л. 52] подвигом. Заброшенные на край света охотничьи племена внесли свой вклад в мировую культуру, но из этого вовсе не следует, что их вклад столь же весом, как у земледельцев нашего юга или у народов классического Востока.

Весьма важен для археологов вопрос о местном развитии и влияниях, заимствованиях извне. Примитивный автохтонизм, насаждавшийся у нас в 1930-х годах, сейчас в основном изжил себя. Всё реже приходится читать что-нибудь вроде утверждений Д. А. Крайнова об одомашнивании крупного и мелкого рогатого скота в мезолите Крыма (какие виды крымской фауны могли стать исходными формами для домашних — совершенно непонятно). Теперь почти все согласны, что и земледелие, и животноводство, и металлургия пришли в Европу с Ближнего Востока. Мне кажется, что вместе с ними пришли и некоторые идеи, неизвестные до того на территории СССР — идея вечной усыпальницы — дольмена или надгробной статуи на вершине кургана. Большинство археологов усматривает в этом преувеличение и принижение творческих возможностей древнейших обитателей нашей страны. Но я писал не о пассивном восприятии чужих достижений, а о переработке их в иной среде при мощных импульсах с Востока.

В истории Юга России были периоды чрезвычайно широких связей, когда на северном Кавказе носили бусы из иранских и среднеазиатских полудрагоценных камней, когда наблюдались поразительные совпадения в культуре Поднепровья и Минусинской котловины, в антропоморфных изваяниях Крыма, Молдавии и Южной Франции. Это было время овладения производящим хозяйством, и как раз тогда возникли и дольмены, и каменные бабы. Позже, во II тысячелетии до новой эры, мы не найдём уже на юге свидетельств [Л. 53] таких далёких связей. Регресса нет. Металлурги-литейщики вводят в употребление бронзу, взнудан долго остававшийся непокорным конь, но в целом культура стала менее яркой, более стандартной. Начался этап местного развития, внедрения в жизнь переработанных достижений культуры, полученных из Передней Азии, сменив эпоху знакомства с этими достижениями, вызвавшую вспышку творческих сил³⁸.

Итоговый вывод должен быть тот, что общее и особенное, своё и чужое составляют неразрывное единство. В каждой культуре есть что-то своё, унаследованное от прадедов и пращуров, и что-то, воспринятое от соседей. Каждое общество идёт своим путём, но эти пути часто пролегают параллельно, поднимаясь с одной ступени на другую. Видимо, только так и может развиваться нормальное общество, не отгораживаясь от окружающего мира, но и не отказываясь от родового наследия [Л. 54].

³⁷ Окладников А. А. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I–II // МИА. № 18. 1950. С. 156.

³⁸ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья... С. 157–158.

Личность и общество

Восемнадцатый век создал легенду о счастливом дикаре, не знающем о тяготах своего бледнолицего брата — европейца, порабощённого цивилизацией и государством. Сейчас, когда этнографы провели колоссальную работу по изучению отсталых народностей, объединённых только в родовые и племенные группы и не знающих ни царей, ни правительственного аппарата, ясно, что прошлое человечества было отнюдь не идиллично. Жизнь наших предков заполняла повседневная борьба за существование. Они подчинялись суровым законам природы, обусловившим столь же суровые обычаи первобытной общины.

Исследования поселений конца палеолита в Западной Европе показывают, что охотники этой эпохи постоянно приспосабливались к ритму кочёвок главного своего промыслового животного — северного оленя. С середины ноября и до весны люди обитали в пиренейских пещерах, а на лето и осень уходили за стадами оленей к морю — на север. Вот почему рога оленей-самцов, сбрасывающих их в ноябре и декабре, никогда не находят на палеолитических стоянках Прибалтики, но в изобилии извлекают из пещер Дордони, Шаранты и Гаронны, а рога самок, сброшенные в мае-июне, напротив, встречаются именно на стойбищах побережья. О передвижениях к морю свидетельствуют и открытые в Пиренеях рисунки, изображающие тюленей. При таком рассчитанном чуть ли не до дней недели распорядке жизни трудно говорить о свободе, которой наслаждались беззаботные дикари. Нет, охотничий быт ставил их в гораздо более жёсткие рамки, чем людей позднейшего времени.

Уже у животных наблюдается чёткая система иерархии — от альфы до омеги, как выражаются биологи. Птицы и звери твёрдо [Л. 55] помнят, какое место они занимают в стае или стаде, всегда уступают сильнейшим и оттесняют тех, кто слабее. В обезьяньем стаде господствуют вожаки. Они следят, чтобы их подопечные не разбрелись, не рассеялись, чутко реагируют на малейшее изменение обстановки, защищают неокрепших детёнышей и молодёжь самок.

Очевидно, в древнейших человеческих ордах выполняли примерно те же функции. У достигших неолитического уровня первобытных народностей Южного полушария этнографы столкнулись с настоящими органами власти, типа родового или племенного совета, куда входят старейшие опытнейшие охотники. До государства ещё далеко, но никакой независимости у членов коллектива нет и в помине. Родовые обычаи предписывают человеку, на ком ему следует и на ком не следует жениться; запреты-табу диктуют, что он должен и что не должен есть; религиозные верования требуют совершения определённых обрядовых действий при каждом сколько-нибудь важном событии. «Зависеть от властей, зависеть от народа — не всё ли нам равно». Гнёт общины, пожалуй, даже тяжелее тирании деспота. Тиран осязаем, можно думать о том, как его свергнуть, убить. А тут нечто безликое, расплывчатое и благодаря тому неуязвимое.

Другой вопрос — так ли расценивал ситуацию сам палеолитический или неолитический человек; страдал ли он от сковывавшего его порядка или считал это абсолютно естественным. Не нужно представлять себе группы людей каменного века в виде скопища во всём похожих друг на друга могучих звероподобных существ. Зоологи, наблюдающие за стадами горилл и шимпанзе, вскоре уже различают казавшиеся сперва одинаковыми обезьяны; узнают особенности их

темперамента, реакций на окружающее и так далее. Вероятно, заложенные при рождении человека неповторимые комбинации генов [Л. 56] придавали особым синантропов и неандертальцев те или иные своеобразные черты. В условиях борьбы за существование, когда только сплочённый коллектив мог успешно справиться с мамонтом или носорогом, с табунами северных оленей или лошадей, любому члену орды приходилось примеряться ко всем остальным, в чём-то смирять себя, подавлять какие-то свои желания. Это нашло отражение в перестройке мозга при формировании *Homo sapiens*. Мозг неандертальца по объёму близок к мозгу современных людей, но в противоположность им у него были едва развиты лобные доли, играющие, по утверждению, психиатров, роль «тормозов» наших животных влечений и инстинктов. Подавлялись звериные эксцессы, но подавлялись в интересах целого и благородные порывы.

Среди обычаев первобытного общества немало очень жестоких. Таковы хотя бы обычаи совместного погребения [мертвого и умерщвлённого при похоронах. — *Сост.*] или умерщвления стариков. Оба они известны и по этнографическим данным, и по рассказам античных и средневековых авторов, и по материалам раскопок. Вслед за умершим главой семьи на тот свет отправлялась и его жена или какой-либо ещё сопровождающий — раб, рабыня-наложница. В курганах бронзового и железного веков археологи часто находят могилы с двумя скелетами одновременно зарытых людей. Иногда на одном из костяков заметные признаки насильственной смерти. В таз женского скелета из кладбища II тысячелетия до новой эры около Бурети в Прибайкалье вонзён кремнёвый наконечник стрелы³⁹. В кургане конца бронзового века у Покровска на Волге череп женщины был пробит каким-то острым предметом⁴⁰. [Л. 57]

С не менее жестоким обычаем умерщвлять беспомощных стариков, возможно, связано алтайское захоронение III тысячелетия до новой эры на реке Ян-Улаган. Кремнёвый наконечник глубоко засел в теле позвонка лежавшего здесь старца. Убитый был слишком дряхл для участия в схватках, да и стреляли ему в спину почти в упор⁴¹.

Страшные, дикие нравы! Но оказывается люди, воспитанные на этих обычаях, смотрят на них совсем не так, как мы. Арабский путешественник Ибн-Фадлан описал похороны руса, совершавшиеся на его глазах в X веке нашей эры. Молодая вдова добровольно вызвалась лечь с мужем в могилу, более того, радовалась этому⁴² [уточним, что в описанном сюжете фигурирует не вдова, а девушка из свиты знатного руса-скандинава, скорее всего рабыня-наложница, игравшая в похоронном обряде роль валькирии, сопровождавшей душу воина в Вальхаллу. — *Сост.*]. По словам Геродота, у массагетов в V веке до новой эры умереть старику естественной, а не насильственной смертью, считалось позорным⁴³. Значит, даже варварски-кровавые, нелепейшие с нынешней точки зрения обычаи чрезвычайно долго воспринимались как что-то нормальное, в частности и теми, кому они грозили неминуемой гибелью.

³⁹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Т. II // МИА. № 43. М., 1953. Рис. 112; с. 231.

⁴⁰ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. М. — Л., 1935. С. 144–145.

⁴¹ Руденко С. И. Погребение человека каменного века в восточном Алтае // Природа. 1926. № 5–6. С. 108–110.

⁴² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. — Л., 1939. С. 81.

⁴³ Геродот. История. I, 216.

И всё же небезосновательны предположения, что ещё в первобытном обществе порой возникал протест против племенных обычаев. Этнографам приходилось слышать о влюблённых парах, принадлежавших к одному роду и потому по закону экзогамии не имевших права вступить в брак. Эти влюблённые покидали родовой посёлок, скрывались в глубине леса и начинали жить сами по себе. Так бежал с земель аранда с юной женой Илталите будущий знаменитый австралийский художник Наматжира⁴⁴. [Л. 58]

Биологи отмечают, что у насекомых отбившаяся от роя пчела или унесённый далеко от муравейника муравей погибают через несколько часов. У птиц и зверей обособившиеся животные могут существовать вне стада достаточно долго⁴⁵. Люди, отколовшиеся от общины, шли на огромный риск. Охотиться им было неизмеримо сложнее, чем вместе с группой загонщиков. Вражда соплеменников тоже чего-то стоила. Но, расплачиваясь за независимость комфортом, отдельные смелые люди уже в каменном веке выбирали новые пути, рвали с обычаями отцов и пращуров (ту же дорогую цену платили за свободу отщепенцы всех времён. Беда в том, что в цивилизованных странах бежать практически некуда).

Но «плохо человеку быть единому», и он ищет общества, не любого, не случайного — из соседей по деревне, а из духовно близких себе. В результате внутри рода возникают «тайные союзы», хорошо известные этнографам по Меланезии и Западной Африке.

Возможности противостоять коллективу на протяжении истории постепенно расширялись. Одиночке-синантропу было труднее выжить, чем неандертальцу, вооружённому копьём с кремнёвым наконечником; мезолитическому охотнику с луком в руках — легче, чем верхнепалеолитическим людям, не знавшим лука и стрел.

Земледелие и скотоводство обеспечили человечеству надёжные источники питания, по крайней мере по сравнению с охотничье-рыболовческим бытом. Правда, и возделывание полей сплошь и рядом требовало сплочённости, совместных усилий большого коллектива. В Туркмении, где обработка почвы почти немыслима без орошения, люди III тысячелетия до новой эры сооружали арыки и каналы. Длина их до 3 км, [Л. 59] объём выброшенной земли до 7500 кубометров. На строительство такого канала надо затратить около 2500 человеко-дней⁴⁶. Цикл перекочёвок с зимних на летние пастбища, свойственный скотоводам степной, пустынной и предгорной полосы Евразии, так же жёстко определял весь уклад жизни пастушеских племён.

Несмотря на это, с укреплением производящего хозяйства люди должны были почувствовать меньшую зависимость от природы, а, следовательно, и от общины. Самосознание их возросло, человеческая индивидуальность проявлялась чаще. Подтверждением тому служат две категории археологических памятников — древние кладбища и произведения искусства.

От палеолитической эпохи до нас дошли только разрозненные погребения. Их ничтожно мало на несколько десятков тысячелетий, чтобы при помощи сопоставлений получить серьёзные выводы. Показательней обширные мезолитические могильники. И в Бретани во Франции, и у нас — на Днепровских порогах — они состоят из совершенно однотипных по обряду захоронений, не содержа-

⁴⁴ Spenser B., Gillen F. Across Australia. Vol. I. London, 1912. P. 202; Локвуд Д. Я — абориген. М., 1971. С. 105; Бетти Дж. Наматжира. М., 1973. С. 5–6.

⁴⁵ Шовен Р. От пчелы до гориллы. М., 1965. С. 71.

⁴⁶ Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965. С. 128–129.

щих обычно никаких вещей. В двадцати двух могилах Первого Васильевского могильника на Днепре всюду обнаружены сильно скорченные скелеты. Всего при трёх из них найдены кремнёвые орудия и при трёх — створки ракушек⁴⁷.

Кладбища периода неолита и энеолита значительно разнообразнее и по обряду, и по количеству зарытых с покойником вещей. [Л. 60] Так, в могильнике на Оленьем острове Ладожского озера сто восемнадцать умерших лежало вытянуто на спине, одиннадцать — вытянуто на боку, пять — скорченно, а четырёх закопали в вертикальном положении⁴⁸. Варьирует погребальный обряд и в шестидесяти могилах трипольской культуры в Выхватинцах на Днестре: вокруг некоторых возведены кольцевые ограды из камней — кромлехи; у других их нет⁴⁹. Группы могил с разным обрядом и составом находок отражают не личные качества усопших, а, скорее всего, их место в обществе, принадлежность к разряду полноправных или неполноправных членов рода и так далее. Но всё же это важный намёк на сдвиги в жизни первобытного человека в послемезолитическое время.

О многом свидетельствует и искусство. На пещерных палеолитических росписях почти нет изображений людей. Среди датирующихся мезолитом наскальных изображений Испании, Азербайджана, Средней Азии их уже немало. Силуэты охотников-лучников здесь, однако, никак не индивидуализированы. Все фигурки похожи друг на друга как две капли воды. На блоках известняка, составляющих стены пещер Кобыстана около Баку, вырезаны длинные ряды абсолютно тождественных человечков. Такие же цепочки взявшихся за руки людей есть и на более поздних наскальных гравировках и росписях Сибири, Казахстана и Африки. В эпоху земледелия и скотоводства были созданы первые монументальные памятники человеку. Каменные статуи в натуральную величину устанавливали в III–II тысячелетиях до новой эры на курганах Причерноморья. Антропоморфным идолам поклонялись обитатели Южной Франции, Болгарии, Румынии, Минусинской [Л. 61] котловины. В Египте и Передней Азии возникли скульптуры портретного характера⁵⁰.

Таким образом, даже археологически можно проследить, как от стадии к стадии увеличивался вес человека в обществе, как из безликой толпы в конце концов выделились индивидуальности. Древнейшие литературные произведения классического Востока — философские раздумья эпоса о Гильгамеше, лирические египетские песни, грозные пророчества Библии — находят отклики в душах людей XX столетия. Мы угадываем стоящие за этими строками знакомые нам «вечные» типы — мудреца, эпикурейца, моралиста-проповедника.

«Скажи мне, друг мой, скажи мне, друг мой,
Скажи мне закон Земли, который ты знаешь.
Не скажу я, друг мой, не скажу я,
Если бы закон Земли ведал я,
Сел бы тогда и заплакал»⁵¹.

⁴⁷ Столяр А. Д. Первый Васильевский могильник // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. I. Л., 1959. С. 119.

⁴⁸ Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. 1956. С. 29.

⁴⁹ Пассек Т. С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА. № 84. 1961. С. 161.

⁵⁰ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980. С. 98–113.

⁵¹ Гильгамеш. Вавилонский эпос / Перевод Н. С. Гумилёва. СПб., 1919. С. 70–71.

Это Месопотамия. А вот — Египет:

«Следуй желаниям сердца
Пока ты существуешь,
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани...
Причитания никого не спасают от могилы,
А потому празднуй прекрасный день
И не изнуряй себя. [Л. 62]
Видишь — никто не взял с собой своего достояния.
Видишь — никто из умерших не вернулся обратно»⁵².

Итак, к стадии производящего хозяйства складывается всё многообразие человеческих типов, характеров, темпераментов. Индивидуальность уже не настолько подавлена обществом, чтобы утратить присущие ей черты. Это, разумеется, ещё не свобода, а только первый шаг к ней — начало раскрепощения личности.

Процесс этот не завершён и сейчас. Ему суждено протекать в непрерывно усложняющейся обстановке. Именно тогда, когда человек мог почувствовать себя менее зависимым от коллектива, экономическая необходимость сплочения людей дополнилась иной — внеэкономической. В руках отдельных общин на зависть соседям скапливались значительные богатства — металл, стада домашнего скота. Обострилась борьба за пастбища. Вторжения кочевых скотоводческих племён периодически разоряли земледельческие оазисы. Недаром в эту эпоху вокруг поселений выросли оборонительные стены. Вожди, возглавлявшие грабительские набеги и отражавшие нападения иноплемёнников, забирали всё большую власть. Они-то, по-видимому, и похоронены в курганах вроде Майкопского, поразившего археологов обилием золотых и серебряных украшений. Пышность этого захоронения III тысячелетия до новой эры особенно бросается в глаза на фоне могил рядовых общинников, вместе с которыми зарыт лишь глиняный горшок или кремнёвый нож. Мы у порога государства. Отныне людям придётся работать сверх необходимости, отдавая свой прибавочный труд на содержание знати, войска, [Л. 63] аппарата чиновников, а индивидуальность будет подавляться не общиной, вынужденной к тому заботой о пропитании, а царями, бюрократией, жречеством, преследующими узко кастовые интересы. Наметились конфликты, не разрешённые и пять тысяч лет спустя.

Увеличилась осторожность одних племён по отношению к другим; вражда к чужакам, иноверцам. Племена, в поисках незанятых охотничьих угодий, пастбищ или полей проникавшие в далёкие края, ждал яростный отпор аборигенов. Мезолитические могильники Поднепровья принадлежат, как будто, пришельцам. Антропологический тип погребённых не местный — причерноморский, а переднеазиатский, если даже не африканский. В кости же этих людей воткнуты кремнёвые стрелы⁵³. В Пепкинском кургане в Марий-

---

⁵² Лирика древнего Египта. М., 1965 С. 85–86 (Песня арфиста XXI века до новой эры. Перевод А. А. Ахматовой).

⁵³ Дебец Г. Ф. Черепа из эпилеолитического могильника у села Волошского // Советская этнография. 1955. № 3. С. 64; Телегин Д. Я. Василівський третій некрополь в Надпоржжі // Археологія. XIII. 1961. С. 3–19.

ском Поволжье обнаружена братская могила двадцати семи мужчин-воинов абашевской культуры III тысячелетия до новой эры. В тринадцати скелетах застряли кремнёвые наконечники, у остальных были пробиты черепа. Абашевцы в этом районе — пришлый элемент. И хотя они и закрепились здесь на короткое время, долго им удержаться не удалось. Коренные обитатели Поволжья вытеснили их. Кровавый эпизод этой борьбы и запечатлён в Пепкинском кургане⁵⁴.

Ненависть к чужеземцам, к иноверцам-идолопоклонникам насквозь пропитывает книги Ветхого завета. Надо перелистать тысячу с лишним страниц Библии, прежде чем уже в Новом завете найдёшь слова: «Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всём [Л. 64] Христос»⁵⁵.

Так первый примитивный конфликт личности и общества, способного только объединив усилия своих членов, добыть скудные запасы еды, сменило множество куда более сложных конфликтов между ними. Тут и классовая рознь, и религиозная вражда, и национальная ненависть, и всевозрастающая противоречивость людских интересов. После промышленного переворота ситуация стала особенно опасной. Прежде трагедия заключалась в том, что с людьми порой обращались как с животными. Теперь их нередко стремятся приравнять к механизмам. Оболванивающая солдатчина, бездушное чиновничество, конвейер на производстве, служащая антигуманической системе пропаганда превращают человека в деталь какой-то машины, в винтик. Всем памятен завет великой русской литературы защищать личность, не позволять принести её в жертву безжалостным абстракциям. Но не следует забывать, что традиции гуманизма теряются далеко в глубине тысячелетий. Стихи «Гильгамеша» о законе Земли или египетская «Беседа разочарованного со своим духом» полны горечи и тоски, но их пессимизм ни в коей мере не закрывал дорогу вперёд. «Нет праведных, и Земля предоставлена творящим беззаконие... Человек таит лицо своё от братьев своих... Сердца черствы, бессердечен человек на которого хотя опереться... Грех поражает Землю, и нет ему конца... Смерть стоит передо мной подобно выздоровлению»⁵⁶. Неведомый нам автор [Л. 65] диалога смотрит на «закон Земли» не безропотно, решается критиковать его, противопоставить себя обществу. Он мыслит. Значит, ещё с этого времени можно начинать историю многовековой борьбы лучших людей мира с косной средой против подавления личности, за её всестороннее развитие.

На ранней стадии этой неравной схватки мужественный одиночка часто становится в позу пророка, уверяя, что «бог гласит его устами». Так легче. Менторски-назидательный тон проповедника, даже если это истинный гений — Гоголь или Лев Толстой — невольно вызывает у нас внутреннее противодействие. Обличения от имени вечного судии звучали для аудитории совершенно иначе. Должно было пройти не одно столетие, пока мир научился прислушиваться к голосу отдельного человека [Л. 66].

⁵⁴ Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимов М. М. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966. С. 13, 17.

⁵⁵ Послание апостола Павла к колоссянам, 3, II.

⁵⁶ Лурье И. М. Беседа разочарованного со своим духом // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. I. Л., 1939. С. 145.

Первобытная археология и русская история

Некогда на меня произвела большое впечатление одна фраза Александра Блока.

Сын профессора-юриста, внук Бекетова, родня Соловьёвых и Корелина, муж дочери Менделеева недаром слушал на историко-филологическом факультете Петербургского университета лекции виднейших лингвистов, историков и литературоведов.

В статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» он говорил, что «многие русские учёные склонны заводить читателя в книжные дебри и никуда из них не выводить»⁵⁷. Это грустное наблюдение остаётся справедливым и поныне. Листая иные научные труды, восхищаешься эрудицией автора; тем, как свободно ориентируется он в коллекциях, источниках, публикациях. Но спроси себя, а к каким же волнующим людям проблемам искал он пути, взявшись за эту огромную кропотливую работу, и придётся в недоумении пожать плечами. От большинства коллег ответа не добьёшься. «К чему всякие мудрствования? Писали подобные книги и раньше, пишут и сейчас; пишут в СССР и за границей; получают за них гонорары и степени. Почему бы и мне не писать?» — скажут одни. Другие отдают себе отчёт, чем привлекает их данная отрасль знания, но предпочитают это не афишировать. Им кажется, что главное в науке — объективность, и вносить в неё субъективные мысли и переживания, возникшие в процессе исследований, несолидно, нескромно, несерьёзно.

Когда-то и я так думал. Теперь же я считаю, что не только можно, но и желательно раскрывать личную заинтересованность в работе над определёнными сюжетами. Не столь уж важно, согласится ли с тобой читатель, уловит ли он связь между [Л. 67] дорогими для тебя идеями и достигнутыми результатами. Всё равно ему легче будет выйти из лабиринта фактов на жизненный простор, на свежий воздух, пусть и в противоположном, а не в указанном тобой направлении.

Надо найти выход из книжных дебрей к общечеловеческим проблемам мировоззрения, философии, искусства, морали, религии. Блок звал к этому в начале века, разочаровавшись в науке своего времени, уже тогда чрезвычайно раздробленной, уже тогда терявшей представление о целом за тысячами мелких экспериментов. В наши дни специализация в науке зашла ещё дальше, и чувство неудовлетворённости испытывают порой даже её рядовые, как я, работники.

Перед поступлением в университет я колебался, заняться ли мне русской историей или археологией. Последняя перевесила, но о первой я никогда не забывал. Хотелось увязать свои исследования в области бронзового и каменного века с проблематикой отечественной истории. В моей печатной продукции это стремление нигде прямо не выражено. Постараюсь предельно кратко сформулировать здесь, как мне видится эта связь.

В трудах наших историков-классиков XVIII–XIX веков памятники первобытной эпохи не фигурируют, поскольку эти древности вначале просто не были выявлены, а потом их было слишком мало для надёжных выводов. Историки ограничивались перечислением народов Восточной Европы, упомянутых в античных источниках, и гадали, были ли среди этих племён предки славян.

⁵⁷ Блок А. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. М., 1962. С. 90.

Лишь в 1874 году на Киевском Археологическом съезде А. С. Уваров поставил вопрос о роли древнейшего населения России в её дальнейшем развитии⁵⁸. Наконец, в предреволюционные [Л. 68] годы справки о стоянках каменного, поселениях и могилах бронзового веков появились в университетских курсах М. К. Любавского и Д. И. Багалея⁵⁹. Это именно справки, почти не нужные для дальнейшего изложения.

То же самое надо сказать и о двух книгах Ю. В. Готье 1920-х годов⁶⁰. Характеристика основных этапов первобытной эпохи в Европейской России здесь дана, но какое значение имели эти периоды для средневековой Руси, оставалось неясным. [Добавим сюда книгу (Данилевич 1908; 1914), одну из первых, где отечественная история рассматривается на археологических материалах. — *Сост.*]

Совсем нелепо выглядит эта трудная тема у Н. А. Рожкова. После выписок о палеолите и неолите из сводок Г. Обермайера и Л. Нидерле сразу идут разделы о славянах⁶¹. Связи нет никакой.

И только в 1930-х годах в статьях П. Н. Третьякова и А. В. Арциховского был перекинут мост от материалов, собранных при раскопках селищ и стоянок, к сведениям, вошедшим в русские летописи⁶². Рассуждения чересчур прямолинейны. Люди, [Л. 69] похороненные в подмосковных курганах, — потомки славян-вятичей — расценивались как прямые наследники тех, кто спит вечным сном в рязанских могильниках или жил на дьяковских городищах, то есть финнов. Но всё же важный шаг в развитии науки был сделан.

Сейчас это направление исследований совсем не популярно. То же, что является в печати, скорее дискредитирует разработку сложной проблемы, чем продвигает. Пример тому «Язычество древних славян» Б. А. Рыбакова (1981). У книги есть подзаголовок — «Глубокие корни». С этим нельзя не согласиться: корни славянской культуры действительно уходят во тьму веков. Но как понимает это автор? Пожалуй, так. Сначала был палеолит. Значит, стоит пересказать идеи А. Леруа-Гурана о пещерных святилищах Франции. Но ведь на территории, занятой славянами, нет ни пещерных святилищ, ни палеолитической живописи. Уж если искать «глубокие корни», надо обратиться к мелкой пластике Костёнок или резной кости Деснинских стоянок. Академик над этим не задумывается и спокойно ссылается даже на Тешик-Таш в Узбекистане и наскальные рисунки Закавказья. Покончив с палеолитом, автор переходит к неолиту. Он что-то слышал про гравировки на камнях, обнаруженные специалистом по неолиту Н. И. Гуриной, и принимается за их расшифровку. Но петроглифы Чалмны-варре не неолитические, а более поздние, расположены же они на Кольском полуострове, куда русские пришли только во времена Московского

⁵⁸ Уваров А. С. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии // Труды III Археологического съезда. Т. I. Киев, 1878. С. 33.

⁵⁹ Багалея Д. И. Русская история. Харьков, 1909 (ч. 1); Любавский М. К. Древняя русская история до конца XVI столетия. М., 1911 (ч. 1).

⁶⁰ Готье Ю. В. 1) Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. М., 1929; 2) Железный век в Восточной Европе. М., 1930.

⁶¹ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. I. Пг. — М., 1923.

⁶² Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 11–12. 1934. С. 35–60; Третьяков П. Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 106. 1935. С. 97–180.

царства. Опять-таки лучше было взять кремнёвую скульптуру Оки или рисунки на ямочно-гребенчатой керамике. [Л. 70]

Так построена вся книга. Сопоставляется несопоставимое, случайный материал, не имеющий отношения к теме. Подход к ней должен быть иным. Мы не найдём прямых предков русских в палеолите, но древнейшее население Восточной Европы могло оставить определённое культурное наследие, в той или иной мере оказавшее влияние на быт, духовную жизнь, психический склад людей, участвовавший в сложении русского народа.

Рассмотрим, поневоле бегло, основные этапы первобытной эпохи в пределах Европейской части нашей страны. Входила ли эта область в зону возникновения человека? Судя по всему, нет⁶³, хотя люди появились здесь на достаточно ранних стадиях древнего палеолита. Это не удивительно. Эти стадии культуры длились сотни тысяч лет. Орудия эволюционировали медленно. Между тем изготовлявшие их существа осваивали Старый свет. Даже если бы они двигались по километру в год, на том же начальном этапе палеолита они должны были расселиться повсеместно.

Поиски наиболее архаичных памятников каменного века, важные для археологов, для историков не очень существенны. То, что в каком-то районе обнаружены весьма ранние каменные орудия, не означает, что нащупан наконец очаг древнейшей культуры, своего рода пуп земли. Костные остатки самых примитивных предков человека выявлены в Южно-Африканской республике, но, как хорошо известно, эта страна ни сейчас, ни в предшествующие столетия светочем культуры не была. Сенсации, вроде тех, что устраивает Ю. А. Мочанов, информируя [Л. 71] корреспондентов об открытии древнего палеолита в Якутии, совершенно несостоятельны. Редкие и малочисленные группы обезьянолюдей, проникавшие на окраины ойкумены, часто вымирали, не дав никакого потомства.

Иначе надо расценивать мустьерскую эпоху. Памятников этого времени в некоторых районах уже десятки. Конечно, они не одновременны, но всё же перед нами свидетельство достаточно прочной заселённости этих мест. А если учесть, что по данным антропологов создатели мустьерских орудий — неандертальцы — обладали речью, то археологи вправе видеть в выделяемых в ходе классификационной работы вариантах мустье — зачаток этнических образований. На мой взгляд, выделение этих областей, находящихся продолжение в позднем палеолите, мезолите и неолите, уже как-то отразилось на последующих судьбах населения нашей страны⁶⁴.

С различиями природных условий, предопределившими специфику хозяйства, эти области как будто не связаны. Изменения климата в послеледниковое время не вызвали заметной перестройки «этнической карты». Появление производящего хозяйства в неолитическую эпоху также не сдвинуло наметившиеся в мезолите и верхнем палеолите границы. В ещё большей мере это касается возникновения металлургии. Роль её в истории человечества нередко преувеличивают. В энеолите и бронзовом веке были и металлургические центры, и обмен металлом, но главные массивы этнического характера остались стабильными.

⁶³ Дебец Г. Ф. Территория СССР и проблема родины человека // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. XVII. 1952. С. 3–17.

⁶⁴ Формозов А. А. 1) Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959; 2) Проблемы этнокультурной истории каменного века Европейской части СССР. М., 1977.

Две крупные области со своеобразным обликом материальной [Л. 72] культуры выделяются в пределах Восточной Европы и позже, в неолите и бронзовом веке, даже в эпоху железа. Каждая из них в свою очередь может быть подразделена на более узкие регионы: южная — Причерноморская — на Правобережье и Левобережье; северная — на западный вариант, тяготеющий к Прибалтике, и центральный — Волго-Окский. Вот эти-то наблюдения и важны, по моему мнению, для понимания дальнейшего хода нашей истории.

Но что же могли дать для неё люди каменного века? Конечно, не наборы орудий и бытовой утвари. Мы можем проследить происхождение позднепалеолитических наконечников копий от мустьерских рубил; мезолитических наконечников стрел — от позднепалеолитических копий; развитие скифской культуры на базе срубной; и так далее. Но ни один из этих элементов материальной культуры не дожил до средневековья. Унаследовано в эпоху формирования русского народа нечто иное, не вещественное — психологический тип, дух культуры.

Это не пустые слова. Есть все основания думать, что этническое самосознание восходит к глубокой древности, ко временам борьбы за охотничьи угодья и [появления] принципа «мы — они». В раннем палеолите при редкости населения и богатстве фауны конфликтов из-за хозяйственных территорий, скорее всего, ещё не было. При более плотной заселённости ойкумены в мустьерскую эпоху и тем более в верхнем палеолите такое соперничество могло уже появиться и быть как-то осознано. Целый ряд культовых представлений, описанных этнографами у европейских народов, безусловно, существовал в эпоху неолита и бронзы. Таковы обряды, совершаемые при строительстве дома и пахоте; мифы о солнечной ладье и колеснице. [Л. 73]

Я не хочу впасть в примитивный автохтонизм. Сложившиеся в Восточной Европе в эпоху мустье и верхнего палеолита две области — северная, в основе близкая к Центрально-европейской, и южная, традиционно связанная со Средиземноморьем, — это не прообраз Киевской Руси с её ориентацией на Византию, и Московской — с её местными финскими корнями. Но проблема культурных традиций, субстрата в истории нашей страны заслуживает внимания. Материалы о первобытной эпохе, добытые археологами, должны при этом учитываться в полной мере. [Л. 74]

Литература

- Аствацатурян М. 2018. Пещерный авангард. *Поиск. Еженедельная газета научного сообщества* 9 (1499), 15.
- Вишняцкий Л. Б. 2010. *Неандертальцы: история несостоявшегося человечества*. СПб.: Нестор-История.
- Данилевич В. Е. 1908; 1914. *Русские древности*. Киев
- Де Вааль Ф. 2014. *Истоки морали. В поисках человеческого у приматов*. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн.
- Де Вааль Ф. 2017. *Достаточно ли мы умны, чтобы понимать животных?* Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн.
- Лопатин Н. В., Кузьминых С. В., Щавелев С. П. 2010. Список публикаций Александра Александровича Формозова. В: Каменецкий И. С., Сорокин А. Г. (ред.). *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)*. М.: Гриф, 43–54.

- Панов Е. В. 2008. Орудийная деятельность и коммуникация шимпанзе в природе. В: Кошелев А. Д., Черниговская Т. В. (Сост.) *Разумное поведение и язык Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Происхождение языка*. М.: Языки славянских культур, 233–237.
- Пеабо С. 2018. *Неандерталец. В поисках исчезнувших геномов*. Пер. с англ. М.: АСТ; Corpus.
- Ридли М. 2016. *Происхождение альтруизма и добродетели*. Пер. с англ. М.: Эксмо.
- Формозов А. А. 1966. *Памятники первобытного искусства на территории СССР*. М.: Наука.
- Формозов А. А. 1980. *Памятники первобытного искусства на территории СССР*. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Наука.
- Формозов А. А. 2002. *Древнейшие этапы истории Европейской России*. М.: Наука.
- Формозов А. А. 2004. Вокруг Каповой пещеры. В: Формозов А. А. *Рассказы об учёных*. Курск: КГМУ, 80–89.
- Формозов А. А. 2005. *Человек и наука. Из записей археолога*. М.: Знак.
- Формозов А. А. 2006. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд., доп. М.: Знак.
- Формозов А. А. 2008. *Статьи разных лет*. Курск: КГМУ.
- Формозов А. А. 2011. *Записки русского археолога (1940–1970-е годы)*. М.: Гриф и К.
- Формозов А. А. 2012. *Классики русской литературы и историческая наука*. М.: Гриф и К.
- Шипман П. 2016. *Захватчики. Люди и собаки против неандертальцев*. Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн.
- Щавелев С. П. 2004. [Рец. на кн.:] Формозов А. А. *Древнейшие этапы истории Европейской России*. М., Наука, 2002. *Вопросы истории* (3), 163–164.

References

- Astvsatsurian M. 2018. Peshchernyi avangard. Poisk. *Ezhenedel'naia gazeta nauchnogo soobshchestva* 9 (1499), 15. (in Russian).
- Vishniatskii L. B. 2010. *Neandertal'tsy: istoriia nesostoiavshegosia chelovechestva*. SPb.: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Danilevich V. E. 1908; 1914. *Russkie drevnosti*. Kiev. (in Russian).
- De Vaal' F. 2014. *Istoki morali. V poiskakh chelovecheskogo u primatov*. Per. s angl. M.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- De Vaal' F. 2017. *Dostatochno li my umny, chtoby ponimat' zhivotnykh?* Per. s angl. M.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Lopatin N. V., Kuz'minykh S. V., Shchhavelev S. P. 2010. Spisok publikatsii Aleksandra Aleksandrovicha Formozova. In: Kamenetskii I. S., Sorokin A. G. (eds.). *Chelovek i drevnosti: pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)*. M.: "Grif" Publ., 43–54 (in Russian).
- Panov E. V. 2008. Oрудийная deiatel'nost' i kommunikatsiia shimpanze v prirode. In: Koshelev A. D., Chernigovskaia T. V. (comp.) *Razumnoe povedenie i iazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnykh i iazyk cheloveka. Proiskhozhdenie iazyka*. M.: "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ., 233–237 (in Russian).
- Ridli M. 2016. *Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli*. Per. s angl. M.: "Eksmo" Publ. (in Russian).
- Formozov A. A. 1966. *Pamiatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Formozov A. A. 1980. *Pamiatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR*. Izd. 2-е, dop. i pererab. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Formozov A. A. 2002. *Drevneishie etapy istorii Evropeiskoi Rossii*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).

- Formozov A. A. 2004. Vokrug Kapovoi peshchery. In: Formozov A. A. *Rasskazy ob uchenykh*. Kursk: KGMU, 80–89 (in Russian).
- Formozov A. A. 2005. *Chelovek i nauka. Iz zapisei arkheologa*. M.: “Znak” Publ. (in Russian).
- Formozov A. A. 2006. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki*. 2-e izd., dop. M.: “Znak” Publ. (in Russian).
- Formozov A. A. 2008. *Stat’i raznykh let*. Kursk: KGMU (in Russian).
- Formozov A. A. 2011. *Zapiski russkogo arkheologa (1940–1970-e gody)*. M.: “Grif i K.” Publ. (in Russian).
- Formozov A. A. 2012. *Klassiki russkoi literatury i istoricheskaya nauka*. M.: “Grif i K.” Publ. (in Russian).
- Peabo S. 2018. *Neandertalets. V poiskakh ischeznuvshikh genomov*. Per. s angl. M.: AST; “Corpus” Publ. (in Russian).
- Shipman P. 2016. *Zakhvatchiki. Liudi i sobaki protiv neandertal’tsev*. Per. s angl. M.: “Al’pina non-fikshn” Publ. (in Russian).
- Shchavelev S. P. 2004. [Rets. na kn.:] Formozov A. A. Drevneishie etapy istorii Evropeiskoi Rossii. M., “Nauka” Publ., 2002. *Voprosy istorii* (3), 163–164 (in Russian).

Статья поступила 23 февраля 2018 г.